КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

Ниро Вулф возвышается над своими противниками подобно башне... Это необыкновенная личность, созданная воображением писателя.

New Yorker

·ВСЕ·РАССЛЕДОВАНИЯ·НИРО·ВУЛФА·

РЕКС СТАУТ

Смерть там еще не побывала

Смерть там еще не побывала
Рекс Тодхантер Стаут

Аннотация
Рекс Стаут. Смерть там еще не побывала
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13

Аннотация

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью.

Рекс Стаут
Смерть там еще не побывала

Rex Stout
NOT QUITE DEAD ENOUGH
Copyright © 1944 by Rex Stout
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency
All rights reserved

КЛАССИКА
И
ДЕТЕКТИВА

Серия «Иностранная литература. Классика детектива»

Перевод с английского Никиты Вуля
Оформление обложки Ильи Кучмы
Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© Н. А. Вуль, перевод, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство Иностранка®

* * *

Глава 1

Наш самолет спланировал вниз, и в 13:20 его шасси коснулись бетонки, расположенной параллельно реке Потомак. Дело было в промозглый понедельник в самом начале марта.

Я не имел ни малейшего представления о том, что мне предстоит дальше. Меня могли оставить в Вашингтоне или с тем же успехом отправить на самолет до Детройта или в Африку. Именно поэтому я счел за лучшее оставить свой багаж в камере хранения при аэропорте, потом вышел наружу и поймал такси. Затем на протяжении двадцати минут я наблюдал за тем, как водитель продирается по улицам столицы, наводненным двумя миллионами госслужащих. Кто-то из них был одет в военную форму, кто-то был в гражданском, кто-то ехал на машине, кто-то передвигался пешком. Потом, переступив порог здания и предъявив документы, я был вынужден прождать еще двадцать минут. Наконец меня провели по лабиринту коридоров, доставив в итоге в просторную комнату с большущим столом.

Так впервые в своей жизни я предстал перед

начальником разведки сухопутных войск США. Он был в форме, являлся обладателем двух подбородков и пары внимательных маленьких глаз. Я бы с огромным удовольствием пожал ему руку, но он лишь велел мне сесть, глянул на листок, лежавший поверх горы бумаг внушительных размеров, после чего раздраженным голосом сухо сообщил, что меня зовут Арчи Гудвин.

Я уклончиво кивнул. Насколько я понимал, мне только что сообщили военную тайну.

— Что, черт возьми, происходит с Ниро Вулфом?! — ядовито осведомился он.

— Не понимаю, о чем вы, сэр. Он что, заболел?

— Вы проработали на него целых десять лет. Были его главным помощником по детективной работе. Это так?

— Все так, сэр. Совершенно верно. Однако за все это время мне так и не удалось выяснить, что с ним происходит. Впрочем, если хотите, я могу поделиться с вами парой версий…

— Должен признать, майор Гудвин, что вы весьма недурно расхлебали кашу, которую заварили в Джорджии.

— Благодарю вас, сэр. Так вот, возвращаясь к Ниро Вулфу…

— Я как раз сам собирался это сделать. — Он

отодвинул бумаги в сторону. — Именно поэтому я и послал за вами. Он что, сумасшедший?

— Это одна из моих версий, — тщательно подбирая слова, отозвался я и положил ногу на ногу, но, вспомнив о своей нынешней должности, тут же сел прямо. — Не буду отрицать, что Ниро Вулф — выдающийся человек, но он способен довести любого до белого каления. Слово «помощник» не совсем четко описывает мою работу. Я был и ускорителем, и тормозом. Кстати, осмелюсь заметить, что мое прежнее жалованье в три раза превышало нынешний оклад. Разумеется, если бы мне присвоили звание полковника…

— Вам давно дали майора?

— Три дня назад.

Он выругался. Коротко, но с большим чувством.

— Именно так, сэр, — согласился я.

В ответ он кивнул в знак того, что вопрос закрыт, и продолжил разговор о деле:

— Нам нужен Ниро Вулф. Нужен, пусть и без официального зачисления в штат. Не знаю, так ли он хорош, как о нем все говорят…

— Ему нет равных, — отозвался я. — Не люблю это признавать, но от правды никуда не денешься.

— Превосходно. По большому счету я слышал о нем именно такие отзывы. Так вот, он нам нужен, и мы пытались его заполучить. К нему наведывались и капитан Кросс, и полковник Райдер, но сам он отказался заехать к генералу Файфу. У меня на столе лежит рапорт о том…

— К Вулфу нужен особый подход, — осклабился я. — Пригласи его хоть император Китая, он бы все равно к нему не поехал. Сильно сомневаюсь, что он выходил из дому с тех пор, как я уехал, а ведь уже минуло два месяца. Самое ценное, что у него есть, — это его мозги. Хотите, чтобы он на вас работал, значит придется все доставлять ему прямо на дом: свидетелей, улики…

Начальник разведки нетерпеливо покачал головой:

— Именно это мы и пытались проделать. Не сработало. Полковник Райдер приехал к нему и предложил поработать над одним крайне важным делом, а он отказался наотрез. Судя по данным, что мы на него имеем, он не фашист и не пацифист. Так что с ним такое?

— Да ничего особенного. Он действительно не фашист и не пацифист. Возможно, он был просто в плохом настроении. У него вообще дурной нрав, а сейчас он вдобавок горюет из-за того, что меня

нет рядом. Однако главная беда заключается в том, что люди, которых вы посылали к нему, не знают, как правильно с ним разговаривать.

— А вы, получается, знаете?

— Так точно, сэр.

— Тогда езжайте и поговорите с ним. Мы предлагаем ему постоянную занятость. Он нам нужен немедленно, срочно в связи с делом, подробности которого ему изложил полковник Райдер. Пока никто даже взяться толком не смог за эту задачку. Итак, сколько вам нужно времени?

— Сложно сказать. Все зависит от обстоятельств. — Я встал: пятки вместе, носки врозь. — Может, час, может, день, может, неделя, может, полмесяца. Мне придется, как и прежде, жить у него в доме. Лучше всего уговоры на него действуют поздним вечером.

— Превосходно. Как доберетесь до Нью-Йорка, позвоните полковнику Райдеру на Губернаторский остров. Ему же будете докладывать о своих успехах. Когда мистер Вулф будет готов его принять, также свяжетесь с ним. — Он встал, протянул мне руку, и я ее пожал. — Не тратьте понапрасну ни минуты.

Меня проводили вниз, где в одной из комнат выдали билет на трехчасовой рейс до Нью-Йорка,

а такси доставило меня в аэропорт. Времени у меня оставалось ровно на то, чтобы взвесить багаж и добежать до самолета.

Глава 2

Все места в самолете были заняты, пустовало лишь одно — у прохода в носовой части. Я кивнул попутчику, сидевшему рядом у иллюминатора. Моим соседом оказался очкарик с измученным лицом. Запихнув пальто и шляпу на багажную полку, я опустился в кресло. Минуту спустя самолет вырулил на взлетно-посадочную полосу, понесся вперед, трясясь всем корпусом, и наконец поднялся в воздух. В тот самый момент, когда я расстегнул ремень безопасности, на подлокотник моего кресла опустилась изящная женская рука. Остановившаяся передо мной блондинка наклонилась и обратилась к моему соседу-очкарику:

— Скажите, вы не поменяетесь со мной местами? Ну пожалуйста.

Я не хотел устраивать выяснение отношений при всех пассажирах, и потому мне ничего не оставалось, кроме как смириться с происходящим и выкарабкаться из своего кресла, чтобы пропустить соседа. Очкарик удалился, девушка опустилась на его место, а затем сел и я. Как раз вовремя, потому что самолет наклонился, совер-

шая поворот.

— Эскамильо, милый, прошу тебя, не надо меня при всех целовать. Боже всемогущий, до чего же ты красив в этой форме!

— А я и не собирался тебя целовать, — холодно отозвался я. — Ни при всех, ни наедине.

Ее голубые глаза были чуть прикрыты, а уголок рта слегка приподнят. С объективной точки зрения никаких претензий к внешности девушки быть не могло, однако беда в том, что в тогдашнем настроении я просто не мог воспринимать Лили Роуэн объективно. Я уже однажды где-то рассказывал, как свел с ней знакомство. Дело было возле забора, огораживавшего пастбище. История началась с того, что во время прогулки по пастбищу я повстречался с быком. К тому моменту, когда я добежал до забора, меня уже мало заботил мой внешний вид и чувство собственного достоинства. Так или иначе, мне удалось перебраться через забор. Свалившись с него, я кубарем прокатился ярдов десять, и в тот самый момент, когда я с трудом поднимался на ноги, девушка в желтой рубашке и брючках с ехидным видом захлопала в ладоши и с манерной медлительностью произнесла: «Превосходно, Эскамильо! Давай-ка еще разок!»

Это была Лили. Ну, мы познакомились, а дальше… Одно за другое… Несколько раз мы… Одним словом, наконец…

Но сейчас…

Она сжала мою руку и произнесла:

— Эскамильо, милый…

Я посмотрел ей прямо в лицо и сказал:

— Слушай, я мог бы сейчас встать и попросить кого-нибудь из пассажиров поменяться со мной местами, но не делаю этого только по одной причине: я в форме, а служба в армии обязывает вести себя с достоинством в общественных местах. Я прекрасно знаю, что ты способна вести себя как ненормальная. Я собираюсь читать газету.

С этими словами я развернул «Таймс». Она расхохоталась своим особым горловым смехом, который я некогда находил весьма привлекательным, после чего поудобнее устроилась в кресле, так чтобы ее рука касалась моей.

— Порой я начинаю жалеть, что три года назад ты все-таки убежал от быка. Знаешь, в тот день, когда я смотрела, как ты карабкаешься через забор, я даже и подумать не могла, что до такого докачусь. Ты не отвечал на мои письма и телеграммы. Я отправилась в Вашингтон, чтобы разузнать, где ты находишься, и потом поехать

туда, где бы ты ни находился. И вот она я — прямо перед тобой. Я, Лили Роуэн! Эскамильо, посмотри на меня!

— Я читаю.

— Боже всемогущий, как же тебе идет форма! Ты в ней такой суровый, такой мужественный! Разве тебя не удивляет, что мне удалось разузнать, на каком рейсе ты летишь, и сесть на самолет раньше тебя? Правда, я умница? — (Я промолчал.) — Отвечай, когда тебя спрашивают! — На этот раз в ее голосе послышалась резкость.

Она была способна на все, что угодно.

— Да, — отозвался я, — ты умница.

— Спасибо. Кстати, у меня хватило ума догадаться, отчего ты на меня взбеленился. Я сказала тебе, что отказ Ирландии предоставить союзникам морские и военно-воздушные базы — фальшивка. Мой отец приехал в Штаты из Ирландии и сколотил на строительстве канализации целых восемь миллионов долларов. Да, я ирландка, и ты это прекрасно знаешь, и вот теперь дуешься на меня из-за того, что я тебе соврала. И еще мне кажется, ты считаешь, что устал от меня. Я тебе надоела. Ну, что скажешь?

— Малышка, я теперь служу в армии, — произнес я, не отрывая глаз от газеты.

— Ну да, служишь. И что с того? Я отправила тебе сорок телеграмм, предлагала быть рядом с тобой и читать тебе вслух. Было дело или нет? Затем я подумала, что с тобой могло что-то стрястись, вдруг ты заболел или еще чего случилось, и поэтому целых три раза ездила к Ниро Вулфу узнать, есть ли от тебя хоть какая-то весточка. Кстати, что, черт возьми, с ним происходит?! Он отказывается меня принимать. И это притом, что я ему нравлюсь.

— Ты ему не нравишься. Ему вообще не нравятся женщины.

— Зато ему нравится, что я интересуюсь его орхидеями. Кроме того, я написала ему, что у меня для него есть дело и я заплачу за его услуги из своего кармана. Но он не пожелал поговорить со мной даже по телефону.

— Что за дело? — поднял я взгляд на Лили.

— Что, интересно? — Уголок ее рта пополз вверх.

— Пошла к черту!

— Будет тебе, Эскамильо. Неужели я для тебя совсем ничего не значу?

— Совсем ничего.

— Еще как значу! Мне нравится, как ты поводишь носом, когда чуешь работу. Речь идет о

моей подруге… Ну, может быть, не о подруге, а просто о знакомой девушке по имени Энн Амори. Я за нее очень переживаю.

— Что-то не бросается в глаза, как ты переживаешь за девушку по имени Энн Амори. Насколько я тебя знаю, ты способна переживать только за саму себя.

— Узнаю Арчи, — погладила меня Лили по руке. — Ну да, мне нужен был повод повидаться с Ниро Вулфом, а Энн попала в беду. На самом деле ей просто был нужен совет. Она кое-что кое о чем узнала и хотела понять, что ей теперь с этим делать.

— Так что она конкретно узнала и о ком именно узнала?

— Я не в курсе. Она мне не сказала. Когда-то ее отец работал на моего отца, а когда помер, я стала ей помогать. Сейчас она работает в Национальной лиге по разведению птиц и получает тридцать долларов в неделю. — Лили передернула плечами. — Господи боже, только подумать — тридцать долларов в неделю! Да хоть в неделю, хоть в день, какая разница! Все равно на это не проживешь. Так вот, в один прекрасный день она приехала ко мне и попросила меня посоветовать адвоката. Кстати сказать, была она при этом

очень расстроена. Что именно у нее стряслось, она говорить не стала, сказала только, что узнала кое о ком нечто совершенно ужасное. Насколько я понимаю по нескольким случайно оброненным фразам, речь шла о ее женихе. Вот я и решила, что Ниро Вулф будет ей куда полезнее любого адвоката.

— И он тебя не принял?

— Нет.

— Энн упоминала чьи-нибудь имена?

— Нет.

— Где она живет?

— В центре, недалеко от тебя: Барнум-стрит, дом триста шестнадцать.

— А кто ее жених?

— Да не знаю я. — Лили снова погладила меня по руке. — Слушай, мужественный вояка, скажи-ка, где мы с тобой сегодня пообедаем? Может, у меня?

— Теперь я служу в армии и при исполнении, — покачал я головой. — Кроме того, твои слова о базах в Ирландии — диверсия чистой воды. И вообще, мне кажется, ты работаешь на ирландскую разведку. Вынужден признать: ты совершенно неотразима! Однако мне нельзя забывать о собственной чести. Еще давно, помнишь, в палатке,

в которой располагалась методистская церковь, я предупредил тебя, что мой духовный мир…

Она перебила меня, я — ее, и пошло-поехало. Так мы провели целый час, пока самолет наконец не сел в аэропорту Ла-Гуардия. Бросить ее прямо там я не мог. Из соображений приличия я предложил взять такси на двоих. Вместе мы добрались до Манхэттена, и там, у «Рица», где она жила и где, как я знал, она не станет устраивать мне скандал, я вместе с багажом перебрался в другое такси, велев водителю ехать к Вулфу на Тридцать пятую улицу.

Несмотря на встречу с Лили, настроение у меня было хорошим. Проехав по центру города и свернув на запад, я с удивлением поймал себя на том, что, по моим ощущениям, я отсутствовал куда больше чем два месяца. С радостью узнавания я смотрел на дома и магазины, словно был их владельцем, хотя раньше не удостаивал их и взглядом. Я счел за лучшее не отправлять телеграмму с известием о своем возвращении. Хотел сделать сюрприз. Признаться, мне страшно хотелось снова повидаться с Теодором, возящимся с орхидеями в оранжерее, с Фрицем, помешивающим на кухне варево в кастрюлях и снимающим пробу, с Ниро Вулфом, сидящим за столом и хмуро

разглядывающим атлас или, ворча, почитывающим книгу. Нет, пожалуй, Ниро Вулфа в кабинете я не застану. До шести вечера он в оранжерее с Теодором, так что, когда я приеду, они будут именно там. Зайду на кухню, поздороваюсь с Фрицем, а потом проскользну к себе в комнату и буду ждать шум лифта, на котором Ниро Вулф всегда спускается в кабинет.

Глава 3

Дома меня ждало самое сильное потрясение в жизни.

Я отпер дверь своим ключом, который по-прежнему оставался у меня на брелоке, оставил вещи в прихожей, после чего зашел в кабинет и замер, не в силах поверить собственным глазам. На столе Вулфа громоздились кучи нераспечатанных писем. Я подошел поближе и увидел, что его стол, как и мой, покрыт чуть ли не десятилетним слоем пыли. Я повернулся к двери и поймал себя на том, что нервно сглатываю. Кто-то умер: либо Фриц, либо Вулф. Вопрос только: кто из них двоих? Я кинулся на кухню. Представшее передо мной зрелище свидетельствовало о том, что ни одного из них не было в живых. Иного объяснения у меня не имелось. Ряды горшков, кастрюль, сковородок и баночек со специями также были покрыты слоем пыли.

Я снова сглотнул и рывком открыл дверцу шкафа. Внутри ни черта не было, если не считать тарелку с апельсинами и шесть коробок с черносливом. Я заглянул в холодильник, и увиденное

окончательно меня добило. Я обнаружил лишь четыре пучка салата, четыре помидора и тарелку с яблочным пюре. Пулей вылетев из кухни, я кинулся вверх по лестнице.

Две комнаты — одна Вулфа и другая, свободная, — располагались на втором этаже. Они пустовали, но мебель была на месте и выглядела как обычно. Ту же самую картину я обнаружил в комнатах этажом выше, одна из которых принадлежала мне. Я поднялся выше, в оранжерею. В четырех помещениях я не увидел ничего особенного, за исключением сотен орхидей, многие из которых цвели. В секции с рассадой я наконец натолкнулся на признаки человеческой жизни. Говоря конкретнее, там я увидел Теодора Хорстмана. Он сидел за столом на табурете и корпел над журналом растениеводства, ведение которого прежде входило в круг моих обязанностей.

— Где Вулф? Где Фриц? Что, черт возьми, здесь происходит?!

Теодор дописал слово, промокнул чернила, повернулся ко мне на стуле и проскрипел:

— А-а, это ты, Арчи. Привет. Их сейчас нет. Они упражняются. Только называют эти упражнения тренировками. Тренируются они сейчас. Вот.

— С ними все в порядке? Они живы?

— Ну конечно живы. Они тренируют.

— Кого тренируют?

— Друг друга. Или, если точнее, самих себя. Они собрались вступить в армию, хотят сражаться. А я здесь останусь. Буду за сторожа, пригляжу за домом. Мистер Вулф собирался избавиться от орхидей, но я отговорил его, пообещал, что сам о них позабочусь. Теперь мистера Вулфа орхидеи не интересуют, он поднимается сюда только для того, чтобы хорошенько пропотеть. Ему нужно постоянно потеть, чтобы сбросить лишний вес. Кроме того, ему надо развивать выносливость. Вот поэтому они с Фрицем отправляются за реку и занимаются там ходьбой. На следующей неделе они собирались переходить на бег. Мистер Вулф сел на диету и перестал пить пиво. На прошлой неделе он простыл, но сейчас уже поправился. Теперь он не покупает ни хлеба, ни сливок, ни масла, ни сахара. Он вообще много чего перестал покупать. Мясо мне приходится покупать себе самому.

— Где они тренируются?

— Прямо за рекой. Мистер Вулф выбил у властей разрешение тренироваться на пирсе, потому что на улице его дразнили мальчишки. Тренировки с семи до девяти по утрам и с четырех до

шести по вечерам. Мистер Вулф на редкость упорен. Все остальное время он ходит вверх-вниз по лестнице и потеет. Он не особенно разговорчив, но я слышал, как он обмолвился Фрицу, что если каждый из двух миллионов американцев убьет по десять немцев…

Мне до смерти надоел скрипучий голос Теодора. Оставив его в оранжерее, я спустился назад в кабинет, взял тряпку, протер свой стол и кресло, сел, закинув повыше ноги, и, нахмурившись, уставился на груды писем, громоздившиеся на столе Вулфа.

Господи боже, приехал домой, называется! Когда я уезжал и бросал его, надо было догадаться, что с ним может приключиться нечто подобное. И вот теперь положение не просто ужасное, оно вполне может оказаться безнадежным. Жирный олух! Самодовольный толстобрюхий дурак! И я еще сказал генералу, что знаю, как с ним правильно общаться. И что теперь прикажете делать?

В 17:50 я услышал, как хлопнула входная дверь. Из прихожей донеслись звуки шагов, и мгновение спустя на пороге возник Ниро Вулф. За его спиной стоял Фриц.

— А ты что здесь делаешь? — пророкотал Вулф.

Пока жив, буду помнить эту картину. Я потерял

дар речи. Вулф вроде бы не стал меньше, однако будто сдулся. Брюки на нем были прежние, старые, из голубой саржи. А вот ботинки, грубые, армейские, я видел на нем впервые. Свитер был мой, темно-бордовый, который я купил однажды для похода с палатками. Несмотря на то что габариты Вулфа выглядели чуть скромнее, чем прежде, свитер на нем был растянут до такой степени, что сквозь его дырочки проглядывала желтая рубашка.

— Заходите, заходите. — Сам не знаю, как у меня это сорвалось с языка.

— Я решил отойти от дел, — произнес Вулф, после чего они с Фрицем повернулись и отправились на кухню.

Некоторое время я молча сидел и, нахмурившись, кривил губы, прислушиваясь к звукам, доносившимся из кухни. Наконец я встал и шаркающей ленивой походкой побрел вслед за Вулфом и Фрицем. Насколько можно было судить, Вулф решил забросить не только кабинет, но и столовую. Они с Фрицем сидели за маленьким столиком у окна и жевали чернослив. На столике также красовалась миска с листьями салата и помидорами. Похоже, этим и должна была ограничиться трапеза — ни мяса, ни нормального

гарнира нигде не было видно. Я прислонился к длинному столу, кинул взгляд на трапезничавших и выдавил улыбку.

— Решили устроить эксперимент? — любезно поинтересовался я.

Сплюнув сливовую косточку в ложку, Вулф отправил ее в тарелку. Всем своим видом он пытался продемонстрировать, что не обращает на меня внимания, и все же при этом смотрел на меня.

— Давно тебе дали майора? — сурово осведомился он.

— Три дня назад. — Я не мог оторвать от него взгляд, никак не мог поверить своим глазам. — Меня повысили исключительно благодаря моим изысканным манерам за столом. Теодор сказал, что вы собираетесь податься на службу в армию. Позвольте полюбопытствовать, в каком именно качестве?

Вулф отправил в рот еще одну сливу. Сплюнув косточку, он удостоил меня ответом:

— В качестве солдата.

— Хотите сказать, вот так сразу вперед шагом марш? И где собираетесь служить? В десанте? Коммандос? Может, вы будете водить джип?

— Довольно, Арчи! — резко произнес он и, суро-

во посмотрев на меня, отложил ложку. — Пойду убивать немцев. Мало их я уложил в тысяча девятьсот восемнадцатом году. Не знаю, зачем ты сюда явился. Полагаю, тебе дали увольнительную перед отправкой за океан… Мне жаль, что ты ко мне зашел. Я прекрасно осведомлен о своих физических недостатках, над которыми мне надо работать, и не стану терпеть твоих ехидных замечаний. Я знаю о них куда лучше тебя. Жаль, что ты зашел, поскольку мне пришлось внести значительные изменения в мою привычную жизнь, и с тобой мое нынешнее существование станет тем более невыносимым. Поздравляю тебя с повышением. Если ты хочешь остаться на ужин…

— Нет, спасибо, — вежливо ответил я. — У меня сегодня ужин совмещен со свиданием. Впрочем, если не возражаете, я заночую у себя в комнате. Постараюсь вам не досаждать…

— Мы с Фрицем отправляемся спать ровно в девять.

— Ладно, сниму обувь в прихожей, чтобы не топать. Премного благодарен за откормленного теленка[1]. Прошу меня извинить за то, что вытер пыль со своего стола и кресла, — не хотелось

[1] Примечания: 1

Арчи Гудвин намекает на библейскую притчу о блудном сыне. — *Здесь и далее примеч. перев.*

испачкать форму. Увольнительную мне дали на две недели.

— Надеюсь, Арчи, ты поймешь…

Я не стал его дальше слушать. Еще пара секунд — и я просто бы не сдержался и сорвался.

Глава 4

Зайдя на углу в ресторанчик «У Сэма», я первым делом направился к телефонной будке. Оттуда я позвонил на Губернаторский остров полковнику Райдеру и сообщил, что приступил к выполнению задания, после чего сел за стол, заказав себе тарелку тушеного мяса и два стакана молока.

Я ел и одновременно размышлял над сложившимся положением. Оно представлялось мне не просто сложным, а безвыходным. Причины произошедшего были мне ясней ясного: Вулф просто-напросто решил на некоторое время отключить мозг. Не стоит надеяться, что в ближайшее время он решит задействовать его и подумать, ведь это, с его точки зрения, являлось работой, а вот сидеть на диете, заниматься каждый день ходьбой на открытом воздухе, готовиться к отправке на фронт, чтобы убивать немцев, — это же совсем другое дело, это же геройство! Вулф слишком далеко зашел, так что, учитывая его ослиное упрямство, его теперь уже не заставишь свернуть с намеченного пути. Гиблое дело! Поломав голову над задачкой, я был уже готов отправиться на Губернаторский

остров, однако не стал этого делать по двум причинам. Во-первых, я заверил генерала, что знаю, как правильно общаться с Вулфом, а во-вторых, у меня создалось впечатление, что если я не остановлю шефа, то он в конце концов непременно себя угробит. Боже, как же я хотел, чтобы у Вулфа сейчас работала хотя бы одна клеточка его мозга! Увы, все мои надежды были тщетными.

Может, стоит обратиться к кому-нибудь за помощью? Например, к Марко Вукчичу, или Реймонду Плену, или Льюису Хьюитту, или даже к инспектору Кремеру. Нет, толку от этого не будет никакого. Поскольку Вулф отказывался думать, любое обращение со стороны окажет противоположное действие, и он заупрямится еще больше. Спасти положение сможет лишь один-единственный фокус: нужно каким-то образом заставить его снова задействовать мозг. По своему опыту я уже знал, сколь тяжелая это задача, даже когда Вулф пребывает в своем обычном состоянии, а ведь сейчас положение куда хуже. Кроме того, у меня были связаны руки. Я отсутствовал целых два месяца и потому понятия не имел, кто наведывался или пытался наведаться к нам в контору. Быть может, какие-нибудь головоломные преступления, совершенные в недавнем прошлом, и

смогли бы привлечь внимание Вулфа, однако беда в том, что из-за отлучки я тоже о них не знал.

Наконец мне в голову пришла одна идейка. Расплатившись за ужин, я зашел в телефонную будку и позвонил инспектору Кремеру.

— Я думал, ты в армии, — сказал он.

Я ответил, что тоже так думал, после чего спросил:

— Есть ли у вас сейчас какое-нибудь занятное дельце? Убийство, там, или ограбление. Может, человек пропал и его надо найти?

Все впустую. Либо у инспектора действительно в тот момент не имелось интересных дел, либо он не хотел мне о них говорить. Я вышел на улицу и застыл на тротуаре, хмуро разглядывая таксиста, сидевшего в припаркованной рядом машине. Стояла холодная, чертовски холодная погода для середины марта, в воздухе порхали снежинки, а теплого пальто у меня не было. И тут мне в голову пришла одна мысль. Надежда, конечно, слабая, но ведь делать мне все равно нечего. Я сел в такси и велел шоферу доставить меня к дому 316 по Барнум-стрит. По сути дела, это даже надеждой толком назвать было нельзя — так, попытка что-то нащупать в кромешном мраке.

Ничто во внешнем виде здания не говорило

о сущем паноптикуме, который обитал внутри его. Передо мной был совершенно заурядный четырехэтажный кирпичный дом, сродни тем, что когда-то были особняками, принадлежавшими одной семье. Потом, примерно в те времена, когда я появился на свет, такие здания были переделаны в многоквартирные дома, а в бывшем вестибюле теперь красовались почтовые ящики и кнопки звонков. На табличке под одним из звонков значилось: «Перл О. Чак», а чуть ниже буквами поменьше было выбито: «Амори». Я нажал на кнопку, дождался щелчка замка, открыл дверь и пошел по холлу. Неожиданно где-то в его конце распахнулась одна из дверей, и на пороге возникла старуха. Если не считать шевелюры и кожи, весу в ней было никак не больше двадцати фунтов. Спутанные пряди седых волос напоминали кружево, служившее обрамлением пронзительных черных глаз, которые, казалось, способны были видеть насквозь. Мне даже в голову не пришло усомниться в слабости ее зрения. Я направился прямо к старухе, которая, не успел я толком приблизиться, прогавкала:

— Чего надо?

— Мне бы хотелось повидаться… — начал я, выдавив из себя улыбку.

Договорить мне не дали.

— Это она тебя подослала! Она, знаю! И не отнекивайся! Я всегда ее подозревала. Она любит иногда так фокусничать. Выходит и звонит в звонок. Думает, я не соображу, что это она. Хочет сказать, что думает, мол, это я убила ее мать. Я-то знаю, чего ей надо! Если она мне это скажет хотя бы раз, хотя бы один-единственный раз, я ее в тюрьму посажу! Так ей и передай! Давай иди наверх и передай! Живо!

Старуха подалась назад, собираясь закрыть дверь, но я уже поставил ногу на порог:

— Одну секундочку, сударыня. Я непременно схожу наверх и передам ей все, что вы попросите. Только скажите, о ком именно вы говорите? О мисс Амори? Энн Амори?

— Энн? Ты о моей внучке? — В меня впились черные глаза, смотревшие сквозь белое кружево седых волос. — Ясное дело, я говорю не о ней. Нечего из меня дуру делать…

— Ну что вы, миссис Чак, поверьте, вы меня неправильно поняли. Я хочу повидаться с вашей внучкой, только и всего. Мне бы хотелось поговорить с Энн. Позвольте узнать, она…

— Врешь ты все! — отрезала старуха и захлопнула дверь.

Я бы вполне мог этому воспрепятствовать, не убрав с порога ногу, однако решил, что в данных обстоятельствах подобная линия поведения будет не совсем верной. Кроме того, откуда-то с верхних этажей донесся шум. Сразу же после того, как старуха хлопнула дверью, я услышал звук шагов. Кто-то спускался вниз по ступенькам. В тот самый момент, когда я подошел к лестнице, на одной из последних ступенек уже стоял молодой человек. Судя по его виду, он собирался что-то сказать, но при взгляде на мою форму с удивлением выдал:

— Ух ты, пехота?! А я-то ожидал… — Он замолчал и принялся меня разглядывать.

Одет парень был небрежно, и будь освещение поярче, вполне могло выясниться, что его наряд нуждается в стирке, однако во всем остальном он выглядел так, что довольно органично смотрелся бы на фотографии футбольной команды.

— Я сейчас в увольнении, — пояснил я. — А кого вы ожидали увидеть? Матроса?

— Просто-напросто я не ожидал увидеть пехотного офицера, — рассмеялся он. — Где угодно, но только не здесь. Я услышал, как вы спрашиваете о мисс Амори, и очень удивился. Я и не подозревал, что среди ее знакомых есть хоть один пехотный

офицер.

— А вы с ней знакомы?

— Конечно знаком. Я же здесь живу. Двумя пролетами выше. Меня зовут Леон Фьюри. — Он протянул мне руку.

— А меня — Арчи Гудвин. — (Мы пожали руки.) — Вы, случайно, не в курсе — мисс Амори дома?

— Она наверху, на крыше. — Леон повел меня по лестнице вверх. — А вы, часом, не тот самый Арчи Гудвин, который работает у Ниро Вулфа?

— Работал когда-то, до армии. А что мисс Амори делает на…

— Кто там, Леон? Веди его сюда, — донесся голос откуда-то сверху.

Голос был с хрипотцой, из той когорты голосов, которые слышишь и никак не можешь понять: мужчина это говорит или женщина. Молодой человек резко поднял подбородок, чтобы кинуть взгляд вверх, после чего повернулся ко мне и улыбнулся. Вполне вероятно, он считал эту улыбку располагающей или даже чарующей. Девять из десяти посетительниц женского клуба непременно отдали бы за него голос. Подавшись ко мне, Леон тихо проговорил:

— Надеюсь, вы в курсе, что находитесь в дур-

доме? Мой вам совет: бегите отсюда. Я передам мисс Амори…

— Леон, — снова раздался сверху голос, — веди его сюда!

— Мне бы хотелось повидать мисс Амори прямо сейчас, — отозвался я и собрался было обойти Леона, но он с мужским шармом пожал плечами и начал подниматься по лестнице. Я последовал за ним.

В холле, одним лестничным пролетом выше, мы увидели обладательницу голоса, стоявшую у открытой двери. Она была одета в коричневое шерстяное платье, судя по виду, еще помнившее инаугурацию Уильяма Маккинли[2], так что вопрос о том, мужчина передо мной или женщина, был решен. При этом, несмотря на платье, свидетельствовавшее о том, что передо мной представительница слабого пола, дама была столь крепко сбита, что вполне могла играть с Леоном в одной футбольной команде. Кроме того, выправкой она куда больше походила на солдата, нежели я.

— Это еще что? — сурово спросила она, когда мы приблизились к ней. — Я вас не знаю. Зайдите.

---

[2] Примечания: 2

Уильям Маккинли (1843–1901) вступил в должность президента США 4 марта 1897 г.

Леон заговорил с дамой, называя ее «мисс Лидс». Он сообщил ей, что меня зовут Арчи Гудвин, что я бывший помощник Ниро Вулфа, а теперь служу в чине майора в армии США. Услышала ли она все это, я не знаю: повернувшись к нам спиной, она шла по квартире, ни на мгновение не усомнившись в том, что мы неотступно следуем за ней. Так оно на самом деле и было. Мы оказались в большой комнате, загроможденной мебелью, по всей вероятности помнившей времена детства все того же Уильяма Маккинли. Я сел, поскольку именно это от меня не терпящим возражений голосом потребовала дама, и окинул взглядом комнату, больше напоминавшую музей. Завершающим штрихом являлся стол с мраморной столешницей в центре комнаты. На нем не было ничего, кроме дохлого ястреба, безжизненно раскинувшего крылья. Я говорю не о чучеле. Это был просто дохлый ястреб, и точка. Похоже, я на него уставился во все глаза, поскольку дама пояснила:

— Он их убивает ради меня.

— Вы таксидермист, мисс Лидс? — вежливо поинтересовался я.

— Да нет, просто она любит голубей, — поучительным тоном произнес Леон. Он устроился на

табурете для рояля, сиденье которого было обито бархатом. — На Манхэттене живет семьдесят тысяч голубей и около девяноста ястребов, а они убивают голубей. И ястребов становится все больше. Они живут в карнизах домов. Я убиваю их ради мисс Лидс. Вот этого я добыл…

— Это не ваше дело! — резко бросила мне мисс Лидс. — Я слышала, как вы говорили с миссис Чак, и потому знаю, что вы ищете Энн Амори. Я хочу, чтобы вы сразу поняли: ни о каком расследовании смерти моей матери не может идти и речи. Я этого не желаю. В этом нет необходимости. Миссис Чак ненормальная. Злая, сумасшедшая старуха. Она всем рассказывает, что, мол, я думаю, будто это она убила мою мать, но на самом деле это не так. Я вообще считаю, что мою мать никто не убивал. Она просто умерла от старости. Я уже подробно объяснила, что в расследовании нет необходимости, и я хочу, чтобы вы поняли…

— Он не из полиции, мисс Лидс, — перебил ее Леон, — он пехотный офицер.

— А какая разница? — с суровым видом спросила она. — Что армия, что полиция — все одно и то же. — Она строго посмотрела на меня. — Вы хорошо поняли, молодой человек? Хватит! Так мэру и передайте. Я владею этим домом, и у меня

еще девять других домов в этом квартале, я плачу налоги, так что перестаньте меня донимать. Моя мать тысячу раз и мэру писала, и в газеты писала — все объясняла, что им нужно сделать. Ястребам в городе не место. И что же они предприняли, хотелось бы мне у вас узнать? Ну, что же вы молчите?

По большому счету мне следовало ей улыбнуться, но у меня не получилось, поэтому я просто посмотрел ей прямо в глаза и произнес:

— Мисс Лидс, вы желаете фактов? Так вот вам три факта. Во-первых, я никогда раньше не слышал о ястребах. Во-вторых, я никогда раньше не слышал о вашей матери. В-третьих, я пришел сюда, чтобы повидаться с Энн Амори, а по словам Леона, она на крыше. — Я встал. — Если наверху мне попадутся ястребы, я поймаю их живьем и сверну им шею. И я непременно передам мэру ваши слова.

Я вышел в холл и направился по нему к лестнице.

Глава 5

Каждый из двух холлов — этажом и двумя этажами выше — освещало по одинокой лампочке без абажура, которые торчали прямо из патронов, вделанных в стену. Когда же я открыл дверь на лестницу, ведущую на крышу, переступил порог и затворил ее за собой, то оказался в кромешной тьме. Осторожно нащупывая каждую из деревянных ступенек, я поднялся наверх, нашарил задвижку на двери, распахнул ее и оказался на крыше. Я заморгал: ветер тут же швырнул мне в лицо целую пригоршню снежинок. Осмотревшись и не обнаружив никого хотя бы отдаленно похожего на Энн Амори, я двинулся налево по направлению к строению, напоминавшему пентхаус. Из затворенных ставнями окон лился свет. Подойдя поближе, я разглядел на строении надпись:

ГОЛУБЯТНЯ
РОЯ ДУГЛАСА
ПОЧТОВЫЕ ГОЛУБИ
НЕ ВХОДИТЬ!

Поскольку надпись гласила «Не входить!», моим первым порывом было немедленно нарушить запрет, однако я сдержал себя и постучал. Изнутри донесся мужской голос, поинтересовавшийся, кто именно пришел, и в ответ я крикнул, что мне хотелось бы повидать мисс Амори. Дверь тут же распахнулась настежь.

Похоже, дом, где я очутился, населяли жильцы, которые чрезвычайно поспешно делали выводы, не удосуживаясь предоставить собеседнику хотя бы малейший шанс раскрыть рот. Молодой человек, пропустивший меня в голубятню и прикрывший за мной дверь, не дав мне возможности даже представиться, тут же затараторил, что в ближайшие месяца четыре мне рассчитывать совершенно не на что. Он, мол, готов и даже рад помочь родной стране одержать победу в войне, однако он уже отослал сорок голубей и ему нужно оставить хотя бы некоторое количество птиц на развод. И почему, спрашивается, в армии не понимают таких элементарных вещей?

Пока молодой человек говорил, я осматривался по сторонам. Кругом громоздились коробки и мешки. Полки были битком забиты вещами, которых я в жизни никогда раньше не видел. На противоположном конце я заметил дверь

с табличкой «Не открывать». На столе стояла проволочная клетка с голубем, а на стуле рядом со столом сидела девушка. Она смотрела на меня широко открытыми карими глазами. Что касается молодого человека, то телосложением он, безусловно, уступал Леону Фьюри. Подбородок у него был тоже коротковат, но в целом паренек был вполне ничего. Я оборвал его на полуслове:

— Зря тратишь силы, братец. Я сюда пришел не за голубями. Меня зовут Арчи Гудвин, и мне хотелось бы повидаться с мисс Амори. — Я протянул ему руку. — Так вы Рой Дуглас? — (Мы скрепили знакомство рукопожатием.) — А тут у вас миленько. Только прохладно. А вы, значит, мисс Амори?

— Я вас не знаю, — отозвалась девушка голосом, который мне сразу понравился. — Мы ведь вроде незнакомы.

— Еще как знаете, — заверил я ее. — Впрочем, это не так уж и важно, поскольку в данном случае я лишь играю роль мальчика на посылках. Лили Роуэн хочет, чтобы вы с ней встретились и пообедали. Именно за этим она меня к вам и прислала.

— Лили Роуэн? — Карие глаза девушки озадаченно уставились на меня. — Но почему… зачем

она отправила ко мне именно вас?

— Хороший вопрос, — небрежно произнес я. — Поскольку вы знаете Лили, мне понятно ваше удивление. Вполне вероятно, вы ожидали, что она пришлет за вами бригадного генерала. Увы, в тот момент поблизости были одни майоры.

Энн рассмеялась, и звук ее смеха мне тоже пришелся по вкусу. Затем она посмотрела на голубя в клетке и на Роя, а потом снова на меня.

— Даже не знаю… — неуверенно протянула Энн. — Я, вообще-то, уже пообедала. Хотите сказать, она желает меня видеть. — Энн встала. — Пожалуй, мне лучше… — Похоже, она приняла решение. — Но я вполне могу добраться сама, к чему вам лишние хлопоты… Вам совершенно необязательно меня…

Наконец мне удалось увести ее из голубятни. Мне представлялось совершенно очевидным, что наша беседа не воодушевляет ни Роя, ни голубя в клетке. После недолгих уговоров Энн все-таки согласилась поехать со мной. Рой проводил нас с фонариком до четвертого этажа, после чего отправился обратно к своим птицам. Затем мне пришлось подождать в холле на первом этаже, пока Энн разговаривала со своей бабушкой и надевала пальто. На все про все у нее ушло меньше

пяти минут, и это мне тоже очень понравилось. Когда мы оказались на улице, она не взяла меня под руку и не пыталась идти со мной нога в ногу. Благодаря этому она еще больше выросла в моих глазах. На углу мы поймали такси.

Следующее испытание, ожидавшее ее, было чуть труднее. Когда мы свернули на Пятую авеню, я сказал:

— Теперь я могу говорить начистоту. Суть дела в следующем. Мне хотелось побеседовать с вами с глазу на глаз, а при Рое и голубе это было совершенно исключено. Разговор в вашей квартире также представлялся мне невозможным, поскольку я уже успел познакомиться с вашей бабушкой. Если бы я предложил вам поехать куда-нибудь со мной, вы бы непременно отказались. Вот мне и пришлось соврать вам о приглашении на обед от Лили Роуэн. Итак, чем же мы с вами займемся?

— Хотите сказать… Но откуда вы узнали… — Энн уставилась на меня широко открытыми глазами.

— Секундочку. Вопрос был риторическим. Полагаю, вам доводилось слышать о частном детективе Ниро Вулфе. Я некогда работал у него, но два месяца назад уволился и ушел в армию. Се-

годня Лили Роуэн сказала мне, что вы обратились к ней и попросили посоветовать адвоката, а она пыталась устроить вам встречу с Ниро Вулфом, но мистер Вулф в то время был занят. Думаю, я могу вам помочь. Сразу хочу сказать: у мистера Вулфа масса дел и совершенно нет свободного времени, поэтому, если бы вы могли изложить суть дела мне…

— Вот оно что! — Энн посмотрела на меня. Некоторое время она молчала и наконец покачала головой. — Я вам ничего не скажу… Я не могу…

— Это еще почему? Вы же, я так понимаю, в беде. Так?

— Да, это так.

— И при этом вы собирались все выложить адвокату, о котором спрашивали Лили?

— Да.

— Ну что ж, Ниро Вулф стоит десяти адвокатов. Любых десяти. Даже лучших.

— Но вы же не Ниро Вулф. Вы всего-навсего привлекательный молодой человек в военной форме. — Она снова покачала головой. — Я ничего не смогу вам рассказать.

— Ты кое в чем заблуждаешься, сестренка. Да, я привлекателен, но этим дело не ограничивается. Впрочем, ладно. В нашем распоряжении весь

вечер. Знаешь, что я тебе предложу? Поскольку мы оба уже пообедали, давай куда-нибудь поедем потанцевать. Между танцами я докажу тебе, насколько умен, попытаюсь заслужить твое доверие, а заодно попробую напоить, чтобы у тебя развязался язык. Тогда что-нибудь да получится.

— И куда мы поедем танцевать? — рассмеявшись, спросила она.

— Да куда угодно. Давай в клуб «Фламинго».

Я отдал водителю соответствующие распоряжения.

Оказалось, что Энн весьма неплохо танцует, но мне не удалось добиться от нее желаемого. В зале было много народу, явившегося туда поесть, однако я внаглую занял столик в углу, зарезервированный для какого-то светского хлыща. Когда владелец столика появился в сопровождении своей спутницы, я так на него посмотрел, что он счел за лучшее побыстрее раствориться в толпе. Мы с Энн отлично поладили. Врать не буду: вечер мы провели очень душевно, однако не будем забывать, что я отправился с девушкой в клуб не развлекаться, а по делу, и с этой точки зрения я напрасно потратил время.

Нельзя сказать, что я совершенно ничего не узнал. Например, я выяснил, что голубь в клетке

на самом деле был голубкой по кличке Диана, являвшейся обладательницей девяти дипломов и ставшей матерью четырех победителей гонки на пятьсот миль. Я узнал, что Рой Дуглас выложил за эту голубку девяносто долларов, что три дня назад во время тренировочного полета порыв ветра швырнул ее о печную трубу и теперь она нуждается в покое и уходе. Кроме того, Энн поведала о застарелой вражде между матерью мисс Лидс и ее, Энн, бабушкой, миссис Чак, корни которой уходили еще в XIX век. Теперь война продолжалась уже между миссис Чак и мисс Лидс. Свара началась вот из-за чего: дело в том, что миссис Чак кормила белок, а миссис Лидс — голубей, причем обе занимались этим в Вашингтон-сквер-парке. Они отправлялись туда вскоре после рассвета, проводили там несколько часов, после чего шли по своим делам и возвращались обратно в парк ближе к вечеру. Миссис Чак проводила там больше времени, чем миссис Лидс, нередко задерживаясь до наступления темноты, поскольку голуби отправляются спать раньше белок. Таким образом, каждый вечер миссис Чак торжествовала победу, наслаждаясь тем, что ее соперница вынуждена отправляться домой раньше ее. Настоящая война между женщинами

вспыхнула 9 декабря 1905 года, когда миссис Чак обвинила мать мисс Лидс в том, что она отравила белок, и потребовала в полиции ареста миссис Лидс. Эту дату не забыли и не забудут.

Кроме того, я также узнал, что мать мисс Лидс умерла три месяца назад, девятого декабря. Миссис Чак всем соседям поспешила рассказать, что дата смерти не случайна, — это Божья расплата за старое преступление. Сплетни дошли до полиции, и стражи закона, не поднимая лишнего шума, провели расследование, но так ничего толком не выяснили. Судя по поведению Энн, мне показалось, что за этой историей что-то кроется, и постепенно это ощущение переросло в уверенность, однако дальше мне продвинуться не удалось. Более того, Энн ни словом не обмолвилась о своем женихе, даже не упомянула, что он существует. Похоже, она по-прежнему считала, что я просто хорош собой, и этим дело ограничивается.

Вдруг совершенно неожиданно около полуночи я поймал себя кое на чем. Когда мы танцевали, мое внимание привлек запах волос Энн. Более того, я вдыхал его специально, наслаждаясь им. Меня это так потрясло, что я налетел на парочку, танцевавшую справа от нас, чуть не сбив ее с ног.

Только подумать! Я при исполнении, работаю, негодую из-за того, что девушка ничего не хочет мне рассказывать, и одновременно с этим ловлю запах ее волос, пытаясь вдохнуть их аромат! Что, черт возьми, происходит?! Я увел Энн с танцплощадки, усадил за столик и попросил счет.

— Что, нам уже пора? — спросила она.

— Слушай, — ответил я, глядя ей прямо в широко распахнутые глаза, — кажется, ты морочишь мне голову. Вполне допускаю, что то же самое ты проделала с Лили Роуэн, или же все дело в ней, и это она мне зубы заговаривала. Давай определимся: ты в беде или нет?

— Ну да, Арчи, я в беде.

— И в чем конкретно заключается беда? В зацепке на колготках?

— Да нет же. Я и правда в беде. По-настоящему.

— Но при этом ты отказываешься мне о ней поведать.

— Я не могу, — покачала она головой. — Честно, не могу. То есть, вернее, не хочу. Пойми меня правильно, ты молод и хорош собой, а то, что я узнала, просто ужасно. Это не обо мне, а о другом человеке.

— То, что ты узнала, имеет какое-то отношение к смерти матери мисс Лидс?

— Это… — Она запнулась. — Да, имеет. Но больше я тебе ничего не скажу. Если ты и дальше будешь себя так вести…

Официант принес сдачу, и я сгреб ее, оставив кое-что на чай.

— Знаешь, что я тебе скажу? Я поймал себя на том, что мне нравится запах твоих волос. Дело этим не ограничивается. Последние полчаса я воспринимал наш танец совсем иначе, чем вначале. Наверное, ты это заметила.

— Да… заметила.

— Прекрасно. А вот я это заметил только что. Не буду отрицать, возможно, в будущем нас ждет роман. Возможно, ты разобьешь мне сердце и погубишь меня. Случиться может все, что угодно. Но пока все в порядке. А сейчас я хочу спросить: во сколько ты заканчиваешь работу?

— Я ухожу из офиса в пять, — улыбнулась она.

— И куда ты оттуда направляешься? Домой?

— Обычно я дохожу до дома немногим раньше половины шестого. Затем я принимаю ванну и начинаю готовить ужин. Бабушка в это время года, как правило, возвращается из парка около семи, и к этому моменту еда уже готова. Иногда с нами ужинает Рой или Леон.

— А ты можешь завтра поужинать пораньше и

в семь часов приехать домой к Ниро Вулфу? Тогда ты и расскажешь ему о беде, в которую попала. Ему — не мне. Ну, что скажешь?

Она нахмурилась и задумчиво уставилась на меня. Рука Энн лежала на застеленном скатертью столе, и я накрыл ее своей ладонью.

— Знаешь, сестренка, — произнес я, — нельзя исключать, что тебе угрожает нечто ужасное. Я не хочу, чтобы у тебя создалось впечатление…

Я замолчал, потому что понял по выражению лица Энн, что к нашему столику кто-то подошел. Я поднял взгляд и увидел миловидный носик Лили Роуэн и ее глаза, устремленные на меня.

— Ух ты, привет… — попытался я улыбнуться ей.

— Так вот на какой ты службе! При исполнении он, — проговорила она таким тоном, словно собиралась полоснуть меня ножом по горлу. — Ах ты, поганец!

Думаю, она собиралась влепить мне пощечину. В любом случае мне было ясно: вне зависимости от того, что она сейчас сделает, ей наплевать на последствия, и потому вопрос заключался в другом: кто из нас двоих окажется быстрее? Буквально в полсекунды я вскочил, одновременно жестом дав понять Энн, чтобы она следовала

моему примеру. Энн прекрасно справилась — она была быстра как молния. Прежде чем Лили Роуэн успела поднять скандал, мы уже забрали мою фуражку из гардероба и оказались на улице.

В такси, уносившем нас прочь от клуба «Фламинго», я погладил Энн по руке:

— Славная девочка! Похоже, Лили была чем-то расстроена.

— Она приревновала, — усмехнулась Энн. — Господи боже, она приревновала! Тебя ко мне!

К тому моменту, когда я высадил ее перед домом 316 на Барнум-стрит, мы уже успели договориться, что на следующий день в семь часов вечера она приедет к Ниро Вулфу. Несмотря на это, когда я поехал обратно домой на Тридцать пятую улицу, мое настроение никак нельзя было назвать приподнятым. Само собой разумеется, оно не стало лучше, когда в своей комнате я обнаружил записку, пришпиленную к подушке булавкой. Записка гласила следующее:

Дорогой Арчи,

мисс Роуэн звонила четыре раза. Когда я сказал, что тебя нет дома, она обозвала меня лжецом. Извини, но в доме нет ни бекона, ни ветчины, ни блинной муки, ни чего-нибудь другого в этом же духе.

Фриц

Глава 6

Я спал крепко. Я всегда крепко сплю, однако, похоже, нервы мои были ни к черту, поскольку, стоило мне открыть глаза и увидеть, что часы показывают 6:50, сон тут же как рукой сняло. Я был бы готов дважды отказаться от повышения и еще долго просидеть в майорах ради возможности спуститься на первый этаж в прихожую и насладиться незабываемым зрелищем. Мне до смерти хотелось увидеть, как Вулф с Фрицем отправляются на тренировку, однако я понимал, что это лишь помешает осуществить задуманный мною план, и потому остался в своей комнате. Я ограничился тем, что приоткрыл дверь. В семь утра шум внизу стих и хлопнула парадная дверь. Услышав это, я кинулся к окну, высунулся наружу и увидел своих домочадцев. Они направлялись к реке. Вулф, с непокрытой головой, одетый в старые синие штаны из саржи, мой темно-бордовый свитер и армейские ботинки, переставлял ноги шагом, который, по всей вероятности, считал быстрым, при этом изо всех сил размахивая руками. Черт подери, что за жалкое зрелище это было!

Не буду врать, тем пасмурным мартовским утром начатая мной операция под кодовым названием «Энн Амори» представлялась мне совершенно безнадежным предприятием, однако никаких других вариантов у меня не было, так что я приступил к воплощению имеющегося плана в жизнь. В ресторанчике «У Сэма» я съел на завтрак оладьи, яичницу с ветчиной и запил все это стаканом апельсинового сока и двумя кружками кофе, после чего вернулся домой и провел около часа за пишущей машинкой и телефоном, разгребая дела личного характера, которые накопились за время моего отсутствия. Я как раз заканчивал, когда вскоре после того, как пробило девять, вернулась бригада моих коммандос. Изначально я собирался не обращать на них никакого внимания и потому, когда из прихожей донеслись звуки шагов, не стал даже оборачиваться. Однако обернуться все-таки пришлось. Вулф остановился у открытой двери в кабинет и прогудел:

— Доброе утро, Арчи. Дни я теперь провожу наверху. Тебе хорошо спалось?

Хорошо ли мне спалось? Это был дежурный вопрос, который Вулф задавал мне тысячи раз. Слыша этот вопрос, я всегда начинал тосковать

по дому. Врать не буду, я смягчился, сменил гнев на милость и повернулся в кресле лицом к шефу. Увидев его, я сразу же посуровел.

— Хорошо, спасибо, — холодно ответил я. — Вы устроили у меня в ящиках комода жуткий кавардак. Наверное, это случилось, когда вы искали там мой свитер, который сейчас на вас. В данный момент я обращаюсь к вам от лица армии США. В одном деле вам нет равных, и это дело связано с борьбой против вражеской шпионской сети, развернутой в нашей стране. В этом деле требуются мозги, которые у вас когда-то были и которыми вы порой пользовались. В связи с этим Верховный главнокомандующий, министр обороны и весь Генеральный штаб со всем уважением просят вас перестать ломать комедию и снова задействовать ваше серое вещество. Вы ошибаетесь, если полагаете, что своим неожиданным появлением на передовой укокошите кучу немцев, которые умрут со смеху, глядя на вас. У них нет чувства юмора.

Я думал, от моих слов он взбеленится настолько, что переступит порог кабинета, и это уже будет определенным прогрессом, однако Вулф продолжал стоять на пороге и хмуро смотреть на меня.

— Ты сказал, что в увольнительной! — прорычал он.

— Я этого не говорил. Стыдитесь и судите сами, в сколь скорбном положении вы сейчас находитесь. Я тысячи раз слышал, как в этой комнате вы устраивали людям выволочку за неточные формулировки. Я сказал, что моя увольнительная на две недели. Но я не говорил, что я сейчас в увольнительной. Кроме того, я не упоминал…

— Пф! — возмущенно фыркнул Вулф, развернулся и направился к лестнице.

Я никогда прежде не видел, чтобы он поднимался по лестнице, и вот теперь стал свидетелем этого небывалого зрелища. Установка лифта обошлась Вулфу в семь тысяч долларов.

Взяв фуражку, я вышел из дому и принялся за дело.

Я пытался пробудить в себе энтузиазм и сделал все от себя зависящее, однако, несмотря на это, мне так и не удалось добыть хотя бы что-нибудь интересное, нечто такое, что было бы способно привести Вулфа в чувство. Никогда прежде мне не доводилось сталкиваться с такой проблемой. Сейчас он помешался на войне и мечтал о подвигах на фронте, поэтому было бесполезно пытаться сыграть на его скаредности. В том состоянии,

в которое он себя сам загнал, у него оставалось лишь одно уязвимое место, по которому можно было нанести удар. Я говорю о его тщеславии.

От знакомых в центральном полицейском управлении я узнал, что расследование смерти миссис Лидс проводилось силами участковой полиции, поэтому именно в местный полицейский участок я и направился. Сержант даже за делом поленился сходить. А чего зря тратить время? Врач поставил диагноз: тромбоз коронарных артерий, вполне естественная причина смерти, учитывая, что умершей шел восемьдесят восьмой год. Чего вы хотите? Ну а слухи, ходившие между соседями о том, что миссис Чак, призывавшей Господа покарать миссис Лидс, надоело ждать и потому она взяла дело в свои руки, не более чем вздор.

Около полудня я заехал в дом 316 по Барнум-стрит, где столкнулся с Леоном Фьюри, который, судя по всему, только что встал, поскольку был еще в пижаме. Он пояснил, что спит допоздна, так как на ястребов охотится в основном по ночам. Кроме того, я выяснил, что охота на ястребов, по сути, является его единственным источником дохода, что в армию его не взяли из-за хлипкого здоровья, что Рой Дуглас живет точно над ним,

этажом выше, как раз под самой крышей. Выяснил я у него и несколько других вещей, но ни одна из них не могла помочь в моем деле. Роя мне удалось отыскать на крыше, в голубятне. Он не захотел меня впускать и к разговорам был не склонен. Он сказал, что занят разработкой новой тактики голубиных гонок под названием «Вдовец». Суть системы заключалась в следующем: самца следовало разлучить с его самочкой, некоторое время держать отдельно, а потом отвозить к старту гонок и выпускать. Предполагалось, что в результате самец, тоскуя по самочке, будет лететь изо всех сил, спеша к своей возлюбленной, развивая скорость, которой прежде ему никогда не удавалось достичь. Я раскритиковал тактику, назвав ее аморальной, однако моя точка зрения Роя не заинтересовала. Оставив его наедине с голубями, я спустился вниз и начал обход соседей.

На протяжении следующих трех часов я собирал местные сплетни. Стоили они не дороже выеденного яйца. Мало того что полезной информации в них не оказалось ни на грош, так еще вдобавок сами по себе они были скучны. Я спросил о смерти старушки миссис Лидс четырнадцать человек. Их мнения разделились следующим образом:

четверо сказали, что ее убила миссис Чак;

один сказал, что ее убила родная дочь, мисс Лидс;

шестеро сказали, что она умерла от старости;

трое сказали, что она померла от собственной скаредности.

Итак, мнения разделились, абсолютного большинства не наблюдалось. Результат моих усилий был нулевым. Я отправился домой, добравшись туда чуть раньше пяти. Мне было нужно все хорошенько обдумать и решить, стоит ли вообще устраивать встречу Энн и Вулфа. В тот самый момент, когда я, погрузившись в мрачные мысли, с хмурым видом разглядывал пыль на столе Вулфа, раздался звонок в дверь. Я подошел к ней, отдернул занавеску и кинул взгляд сквозь стеклянную панель. На крыльце стоял Рой Дуглас. Сердце екнуло. Неужели дело сдвинется с мертвой точки? Я открыл дверь и предложил ему зайти.

Рой выглядел смущенным, словно хотел что-то сказать, но никак не мог сформулировать. Я отвел его в кабинет и предложил кресло, предварительно стерев с него пыль. Рой сел, несколько раз открыл и закрыл рот, словно рыба, и наконец произнес:

— Мне кажется, сегодня на голубятне я повел

себя некрасиво. Я часто веду себя невежливо, когда работаю с птицами. Понимаете, если рядом чужак, они это чувствуют и нервничают.

— Я тоже не люблю, когда меня отрывают от работы, — кивнул я. — Кстати, совсем забыл спросить, как поживает Диана.

— Ах, Диана… Ей гораздо лучше. Она скоро поправится. — Рой, прищурившись, посмотрел на меня. — Насколько я понимаю, о Диане вы узнали от мисс Амори?

— Да, она рассказала мне немало интересного.

Он передвинулся в кресле и прочистил горло.

— Вы ведь провели с ней весь вечер, так?

— Да, я от нее не отходил.

— Я видел вас, когда вы вернулись. Когда привезли ее домой. Я видел вас из окна.

— Неужели? Интересно. Было уже достаточно поздно.

— Да, поздно. Но я… Поймите меня правильно, я за нее беспокоился. Я и сейчас за нее беспокоюсь. Мне кажется, она попала в какую-то беду. Я подумал, быть может, именно из-за этого она поехала на встречу с Лили Роуэн.

— Так спросите ее сами.

— Она отказывается со мной об этом разговаривать. Однако, судя по ее поведению, я практически

уверен, что она попала в какую-то переделку. Я не знаком с мисс Роуэн и потому не могу обратиться с расспросами к ней, но я знаком с вами, мы с вами вчера общались… Я подумал: если вчера вечером вы были с Энн и мисс Роуэн, а сегодня днем приехали ко мне… Я подумал: вы хотите мне что-то рассказать. Поймите, у меня есть право это знать, потому что мы с Энн помолвлены…

— Вы помолвлены? — Мои брови от удивления поползли вверх. — Вы помолвлены с мисс Амори?

— Да.

— Поздравляю!

— Благодарю вас. — Он снова, прищурившись, посмотрел на меня. — Так вот, мне стало интересно, зачем вы ко мне приезжали. Может, вы хотели что-то рассказать об Энн, спросить что-то, и потому я подумал… Одним словом, если вам известно, что она попала в беду, так мне и скажите.

За исключением того факта, что теперь я раскрыл тайну личности жениха Энн или, если быть совершенно точным, эта тайна раскрылась сама собой, у меня складывалось впечатление, что толку от визита Роя не будет никакого. Однако, коль скоро он все равно уже сидел передо мной, я решил попытаться выяснить, не скрывает ли

он что-нибудь, и потому продолжил с ним дружеский разговор. Я заявил, что, к величайшему сожалению, ничего не могу сказать о сути той беды, что приключилась с Энн, и даже не в курсе, приключилась ли с ней вообще какая-либо беда. Затем тихой сапой я свел разговор на обитателей дома 316 и тут же огреб по полной программе. Рой немедленно завел речь о голубях, и заткнуть его было совершенно невозможно.

Я много узнал. Рой, по его же собственному выражению, «пристрастился» к голубям еще мальчишкой. Миссис Лидс построила ему голубятню и всячески его поддерживала. Теперь тем же самым занималась мисс Лидс. Его голуби в общей сложности выиграли 116 почетных грамот в гонках молодых птиц и 63 грамоты в гонках старых птиц. Однажды его голубка по кличке Селянка Сьюзи выиграла национальные гонки в Дейтоне, в которых принимало участие 3864 птицы из 512 голубятен. В результате катастрофы в Трентоне, приключившейся в прошлом году во время гонок на триста миль, он потерял четырнадцать птиц. Лучшие почтовые голуби в мире, с его точки зрения, были те, что принадлежали к дикинсонской ветви породы сион-стассарт. Именно к этой ветви принадлежала Диана.

Я никак не мог заставить его свернуть с голубиной темы. Когда стрелки часов на стене неумолимо приблизились к шести, я начал подумывать, что мне придется взять Роя на руки и вынести вон, ведь вскоре после шести должен был вернуться с тренировки Вулф, а я не хотел, чтобы шеф застал Роя у себя дома. Однако проблема разрешилась сама собой. Без пяти шесть раздался звонок в дверь. Рой тут же встал, сказал, что ему пора, и двинулся за мной в сторону прихожей. Я отодвинул шторку и выглянул на улицу. На крыльце я увидел Лили Роуэн, и, что самое главное, она увидела меня.

Я вставил в гнездо цепочку, позволявшую открыть дверь всего на четыре дюйма, щелкнул замком и проговорил сквозь образовавшуюся щель:

— Ты что, не слышала, был сигнал воздушной тревоги! Немедленно возвращайся домой и спрячься под кроватью! А я в это время…

Лили почти до локтя просунула руку в щель и прошипела:

— Да заткнись ты уже наконец и впусти меня поскорей!

— Нет уж, красавица, я…

— Впусти, тебе говорят! Ты что, хочешь, чтобы

я орала? Хочешь, чтобы все соседи узнали?..

— Узнали о чем?

— Об убийстве!

— Хочешь сказать, что намечается убийство? Когда-нибудь…

— Арчи! Дурак ты набитый! Говорю же тебе: Энн Амори убили! Если ты не…

Стоявший рядом со мной Рой ахнул. Я оттолкнул его в сторону, снял цепочку, впустил Лили, закрыл дверь и, вцепившись мертвой хваткой в ее плечи, хорошенько тряхнул.

— Выкладывай! — велел я. — Если ты тут комедию ломать вздумала…

— Перестань! Мне больно! — резко произнесла она и вдруг замолчала. — Впрочем… если тебе нравится причинять мне боль, валяй. Тряси меня дальше. Сильнее.

— Родная, давай выкладывай, что случилось.

— Я и выкладываю. Я поехала в гости к Энн. Позвонила ей в звонок, но она не открыла, тогда я позвонила в квартиру соседки. Так я и попала в дом. Дверь в квартиру Энн была слегка приоткрыта, я разок постучала, а потом зашла. Я решила, что она дома. Когда я звонила ей на работу, она сказала, что доберется домой до половины шестого, а когда я к ней пришла, было уже без четверти

шесть. Да, она действительно была дома. Сидела на полу, прислонившись к креслу, а ее шея была обхвачена шарфом… глаза навыкате, язык вывалился… Она была мертва. Когда я увидела, что она мертва, я…

Рой Дуглас кинулся вон из дому. Он распахнул дверь и сбежал вниз по ступенькам так быстро, что у меня не было ни малейшего шанса его перехватить.

— Черт подери! — Я отпустил Лили и посмотрел на свои наручные часы — 18:02. Даже если я немедленно выставлю ее вон, весьма вероятно, что Вулф все равно успеет застать меня дома. Везет как утопленнику.

— Слушай, Арчи, скажу тебе как на духу: ничего более ужасного я… — тараторила Лили.

— Заткнись! — Я втолкнул Лили в гостиную, зашел сам и закрыл за собой дверь. — Слушай меня внимательно, крошка. Будешь делать, что велю, а не то я с тебя шкуру спущу. Сядь и сиди тихо. Ни шороха, ни звука. Сейчас придет Ниро Вулф, а я не хочу, чтобы он узнал, что ты здесь. Нет, сядь куда-нибудь еще, подальше от окна. А теперь хочу спросить одну вещь. Это ты ее убила?

— Нет.

— В глаза мне смотри. Еще раз спрашиваю: это

ты ее убила?

— Нет, тебе говорят!

— Ладно.

— Слушай, Арчи…

— Заткнись!

Я сел на краешек кресла, положил сжатые в кулаки руки на колени и уставился на стену. В отличие от Вулфа, я не могу думать с закрытыми глазами. Где-то за три минуты я набросал в голове схему дальнейших действий. План вполне мог сработать, если бы не этот чертов Дуглас. Все зависело от него.

Я посмотрел на Лили:

— Говори потише, так чтобы я услышал, как открывается дверь. Лучше всего перейди на шепот. Ты часто бывала у нее дома?

— Всего-навсего один раз, да и то очень давно. Ты мне сейчас очень нравишься, Арчи. Ты такой…

— Прибереги комплименты до Рождества. В чью квартиру ты позвонила?

— Не знаю. Одну из тех, что наверху…

— Кто-нибудь видел, как ты заходишь в дом или выходишь из него?

— Когда я заходила… Не знаю. Думаю, меня никто не видел. Нет, точно никто не видел. Я еще

осмотрелась по сторонам и глянула на лестницу.

— Кто-нибудь из жильцов тебя знает? Ну, кроме Энн.

— Только миссис Чак. Это бабушка Энн.

— Кто-нибудь… Погоди.

Я услышал, как открылась входная дверь. Затем она закрылась, и до меня донесся голос Вулфа, а потом и голос Фрица, что-то ему отвечавшего. Звуки шагов по прихожей, стук двери, ведущей на кухню, — и все стихло. Я знаком поманил Лили к себе и, когда она приблизилась, прошептал ей на ухо:

— Уходим быстро и без лишнего шума. Поняла?

Мы на цыпочках пробрались к входной двери. Я беззвучно открыл ее. Лили выскользнула на крыльцо первой. Я проследовал за ней и запер дверь, едва слышно щелкнув замком. Мы спустились по ступенькам на тротуар и двинулись на восток. Лили приходилось бежать, чтобы поспевать за мной. Когда мы дошли до авеню и свернули за угол, я затащил ее в первый же подъезд и строго спросил:

— Значит, так, еще раз спрашиваю: когда ты зашла в квартиру Энн, тебя кто-нибудь видел? Кто-нибудь рядом был?

— Рядом? Нет. Но что…

— Помолчи. Я думаю. Ты девушка приметная. Итак, кто-нибудь видел, как ты заходишь или выходишь?

— Думаю, нет. Если кто-нибудь меня и видел, то уж я точно никого не заметила.

— Ладно. На этом мы пока расстанемся. План действий такой. Тебе надо уехать из города. Остановишься где-нибудь поблизости, например на Лонг-Айленде или в Уэстчестере. В «Рице» оставишь мне записку с адресом, но больше никому ни слова! Я…

— Как — уехать? Что, прямо сейчас?

— Прямо сейчас. Нельзя медлить ни секунды. Соберешь вещи и уедешь. У тебя час.

— Да пошел ты к черту! — Она вцепилась в меня обеими руками. — Ты окончательно рехнулся! Ты мне позарез нужен! Я ведь кинулась за помощью к тебе! Значит, так. Я сейчас собираюсь выпить. Пропущу пару бокалов, а ты пойдешь со мной. Чего ты себе возомнил? Думаешь, я…

Я попытался надавить на Лили — без толку. Она уперлась и ни в какую не желала играть по моим правилам, причем именно в тот момент, когда счет времени шел на минуты.

— Слушай, ангелочек, я должен заняться делом,

а тебе придется мне в этом помочь. На объяснения времени нет. Делай, что тебе говорю, и тогда, обещаю, выходные мы проведем вместе. Будем делать все, что захочешь, за исключением катания на лодке в Центральном парке.

— В эту субботу?

— Да.

— Честно-честно? Обещаешь?

— Да, черт побери!

— Тогда пойдем на мюзикл «Джентльмены предпочитают блондинок». Поцелуй меня на прощание.

Я чмокнул ее и рванул к припаркованному рядом такси. Забравшись в машину, я велел шоферу отвезти меня на угол Барнум-стрит и Кристофер-стрит. Часы показывали 18:15. У Роя была фора в тринадцать минут.

Глава 7

Рой Дуглас вызывал у меня серьезное беспокойство, поскольку из-за него весь мой план мог полететь коту под хвост. Однако когда я, выпрыгнув из такси на перекрестке, примчался к дому 316, то обнаружил, что все выглядит совсем как обычно. Я воспрянул духом. Может, дело и выгорит: шансы на это чуть подросли и теперь составляли двадцать к одному. Однако, если меня кто-то обошел (не обязательно Рой) и уже вызвал полицию, врача или просто поднял на уши соседей, если бабушка Энн вернулась домой раньше или же случилась еще дюжина непредвиденных вещей, на моем плане можно было поставить крест.

Я надеялся на то, что входная дверь будет открыта, однако понимал: вероятность этого крайне мала. Как я и предполагал, она оказалась заперта. Решив не испытывать судьбу, я нажал на кнопку квартиры Чак — Амори, и секунд через пять щелкнул замок входной двери. Я не знал, к худу это было или к добру, — тратить время на досужие домыслы я тогда не мог. Я вошел,

пересек вестибюль и у открытой двери миссис Чак обнаружил Роя. Он был мертвенно-бледным. Лицо его морщилось, а сам он весь дрожал. Не дав ему произнести ни слова, я затолкал его в квартиру и закрыл дверь, не дотрагиваясь до нее. Судя по внешнему виду, Рой был готов в любой момент сорваться на крик. Я выволок его из маленькой прихожей, затащил в комнату и рывком усадил на стул.

— Она мертва, — сиплым голосом произнес он. — Не могу… не могу на нее смотреть.

— Тихо! — скомандовал я. — Ты меня понял? Тихо, тебе говорят! Я в таких делах разбираюсь куда лучше тебя.

Я приступил к осмотру. Следы борьбы в глаза не бросались, квартира была в полном порядке. Не стану винить Роя за то, что он не мог смотреть на Энн. Это была не совсем она, а скорее то, что от нее осталось. Смерть до неузнаваемости обезобразила Энн. Лили упомянула о глазах и языке. Энн сидела на полу, прислонившись к креслу, а ее шея была перехвачена синим шерстяным шарфом, завязанным узлом под левым ухом. Я подошел поближе и склонился над ней. Еще десять секунд у меня ушло на то, чтобы удостовериться в ее смерти. Передо мной действительно был труп,

но тепло жизни еще не успело оставить тело.

Я вернулся к Рою. Он сидел на стуле, низко опустив голову. Я сильно сомневался в том, что сейчас у него хватит сил и воли вздернуть подбородок и посмотреть на меня, поэтому я присел, чтобы мое лицо было на одном уровне с его.

— Слушай, Рой, — мягко проговорил я, — мне нужно задать тебе несколько вопросов. Ты давно сюда пришел?

— Не знаю, — ответил он, глядя на меня. — Честно, не знаю. Я сразу бросился сюда.

— Как ты попал внутрь?

— В дом? У меня же ключи…

— Не в дом. В квартиру.

— Дверь была открыта.

— Нараспашку?

— Не помню… Нет, не нараспашку. Так, слегка приоткрыта…

— Ты кого-нибудь видел? Тебя кто-нибудь видел?

— Нет, я никого не видел.

— Ты никому не звонил? Я хочу сказать, по телефону? Доктора вызывал? Или полицию?

— Доктора? — Он искоса на меня посмотрел. — Зачем? Она же мертва, так?

— Так. Ты вызвал полицию?

— Я не… я… — Он неуверенно покачал головой.

— Ладно. Сиди здесь и никуда не уходи. — Я встал и огляделся.

Сквозь приоткрытую дверь я увидел угол кровати. Я прошел в спальню, присел на стул у туалетного столика, достал из внутреннего кармана записную книжку с карандашом и написал:

Дорогая Энн,

к сожалению, планы поменялись. К Ниро Вулфу в семь приезжать не надо. Вместо этого я сам заеду за тобой около половины шестого.

Арчи

Вырвав листок с запиской, я сложил ее и слегка смял. Затем, наклонившись к зеркалу, чтобы лучше видеть, я выдернул из своей шевелюры клок — волос восемь-десять, обмотал их вокруг пальца и тоже бросил на туалетный столик. Вернувшись в гостиную, я присел на корточки возле тела, сунул записку Энн за пазуху, а волосы — под шарф, с правой стороны, под челюсть. Шарф столь туго опутывал ее шею, что для воплощения задуманного мне потребовалось приложить определенное усилие. Погладив ее по плечу, я прошептал ей на ухо:

— Не волнуйся, Энн, мы отыщем ублюдка, который сотворил это с тобой. Или суку, ведь нельзя исключать, что тебя убила женщина.

Затем я выпрямился и начал оставлять отпечатки пальцев, решив, что трех групп отпечатков будет вполне достаточно: одна группа — на подлокотнике кресла, одна — на краю стола и еще одна — на обложке журнала, который лежал на столе. На часах было 18:37. Если миссис Чак сегодня взбредет в голову уйти из парка пораньше, то она может объявиться здесь в любую минуту. Пока все шло гладко, и потому было бы настоящим преступлением загубить мой план на завершающем этапе.

— Ты как? Идти можешь? — подошел я к Рою.

— Идти? — Он уже перестал дрожать. — А куда мне идти? Нам надо…

— Послушай, — сказал я, — Энн больше нет. Ее кто-то убил. И мы хотим узнать, кто это сделал. Правильно?

— Да. — Он осклабился, словно собака, скалящая зубы во сне. — Мне это очень хочется узнать.

— Тогда пошли со мной. — Я взял его за руку. — Надо идти.

— Но мы же не можем… оставить ее так…

— Ей уже все равно не помочь. Мы позвоним

в полицию, но не отсюда. Говорю же, я в таких делах разбираюсь. Давай пойдем.

Я потянул его за руку, он встал, и я повел его к двери. На ней я решил отпечатков не оставлять и потому, достав платок, тщательно протер им дверную ручку как со стороны квартиры, так и со стороны вестибюля. Снаружи никого не было. Стояла гробовая тишина. Подталкивая Роя, я вытащил его наружу. Мы дошли до перекрестка и свернули на Кристофер-стрит. Надо признаться, мое сердце учащенно билось. Все говорило о том, что задуманный мной план должен сработать. Осталось решить только одну задачу — на сутки избавиться от Роя.

Я отвез его в бар на Седьмой авеню, усадил за стол, заказал два двойных скотча, сказал, что вернусь через минуту, после чего кинулся к телефону и набрал номер:

— Лили? Это я. Вещи собрала?

— Да, черт тебя побери! Что…

— Говорить буду я. Нет времени объяснять. Значит, так: пока я снова тебе не позвоню, никуда не уезжай. Поняла?

— Ты ездил?..

— Извини. Я занят. Жди моего звонка, а пока сиди дома.

Я вернулся за столик. Рой вращал стакан в руке. Увидев, как он опорожнил его залпом, чтобы унять вновь начавшуюся дрожь, я подался вперед и сказал:

— Рой, слушай меня внимательно. Ты можешь мне доверять. Ты знаешь, кто я такой, и ты знаешь, кто такой Ниро Вулф. Этого вполне достаточно. Мы выясним, кто убил Энн, и ты нам в этом поможешь. Ты ведь хочешь нам помочь, так?

Рой нахмурился. Его щеки начали розоветь — сказывалось действие алкоголя.

— Но полиция… — начал он.

— Да, разумеется, полиция. Как только миссис Чак вернется домой, полиция приступит к официальному расследованию. Я сам позвоню полицейским и буду работать с ними рука об руку. Но у меня есть кое-какая зацепка, о которой я им не рискну сказать. Ты знаешь Лили Роуэн? Я имею в виду, в лицо?

— Нет. Никогда не видел ее.

— Думаю, она постарается улизнуть. Я практически в этом уверен. Она живет в «Рице». Туда мы сейчас и направимся. Если она выйдет с чемоданом, я покажу ее тебе, и ты сядешь ей на хвост. Не выпускай ее из виду, куда бы она ни направилась. Ты готов на такое пойти?

У Роя горели щеки. По всей видимости, пить он не умел.

— Я никогда не занимался слежкой, — произнес он, — не знаю, как это делается.

— Для слежки нужны только мозги, а они у тебя есть. — Я достал бумажник, извлек из него пять двадцаток и протянул ему деньги. — Я бы и сам за ней проследил, но у меня есть другие дела. Кстати, хочу тебе сказать еще одну важную вещь: на связь выйдешь со мной после девяти утра в четверг; раньше — ни в коем случае. Позвонишь по телефону вне зависимости от того, где будешь находиться. О деле говори либо с Ниро Вулфом, либо со мной, но ни с кем больше. — Я допил виски. — Ты справишься, Рой. Сейчас я еще кое-кому позвоню, а потом мы пойдем. Ну что, готов выполнить мое задание?

— Я сделаю все, что в моих силах, — кивнул он.

— Вот и молодец! Я вернусь через минуту.

Я снова сходил к телефону и набрал все тот же номер.

— Лили, солнышко, это снова я. Слушай внимательно. Минут через двадцать, а то и раньше я буду на Мэдисон-авеню у входа в «Риц». Со мной будет Рой Дуглас — тот самый парень, который был сегодня в доме Ниро Вулфа, когда ты прие-

хала туда. Я тебя ему покажу, и он сядет тебе на хвост. Он будет за тобой следить. Я хочу, чтобы он где-то на сутки убрался из города, а другого способа у меня нет. Когда возьмешь такси до вокзала…

— Я не собираюсь на вокзал. Я поеду в Гринвич на машине, остановлюсь в «Уортингтоне»…

— Нет, тебе надо непременно поехать на поезде. Иначе можешь забыть о нашем уговоре про выходные. Когда будешь покупать билет на вокзале Гранд-Сентрал, позаботься о том, чтобы он услышал, куда именно ты едешь, и убедись в том, что он сел на поезд. Бери сидячий плацкарт, а не купе. Он тоже поедет в Гринвич и поселится в «Уортингтоне». Следи за ним, но будь аккуратна. Помни: он не должен догадаться, что ты его вычислила. Веди себя прилично, не расстраивай его. Никаких конных прогулок. Мы будем у «Рица» через двадцать минут. Постарайся выйти побыстрее. Я очень занят…

— Погоди минуточку! Арчи, ты спятил! Ты там был? Ты был в квартире у Энн?

— Естественно, нет. Слушай, сейчас нет времени…

— В таком случае откуда взялся Рой Дуглас?

— Я перехватил его до того, как он зашел в дом. Нет времени объяснять. До встречи в субботу.

Если получится, увидимся раньше.

Вернувшись к столику, я обнаружил, что этот кретин заказал себе еще выпивку. Я подозвал официанта и заплатил за нее.

— Ничего не выйдет, — вдруг изрек Рой. — Я совсем забыл о своих птицах. Мне надо о них заботиться.

Еще одна проблема, словно мне их и без того мало. Я затолкал Роя в такси и по дороге до «Рица» каким-то чудом убедил его, что до восьми утра свяжусь с мисс Лидс и попрошу ее позаботиться о голубях. Теперь главная беда заключалась в том, что Рой был изрядно пьян, а учитывая пережитый им шок, я начинал испытывать сильные сомнения в его способности соображать. По этой причине я медленно несколько раз проговорил все инструкции и убедился в том, что он помнит, в каком именно кармане у него лежит сто баксов.

К тому моменту, когда мы добрались до «Рица», Рой более-менее пришел в себя. Все прошло как по маслу. Лили мы прождали минут десять. Она вышла всего-навсего с тремя чемоданами. Для нее это фактически означало путешествовать налегке. Пока она ждала, когда шофер откроет ей дверь такси, я увидел, что краешком глаза она заметила меня. Я усадил Роя в другое такси,

пожал ему руку, сказал, что верю ему и очень на него рассчитываю, а шоферу велел сесть на хвост впереди идущего такси и ни в коем случае не упускать его из виду. Затем я выпрямился и некоторое время смотрел им вслед.

Я глянул на часы — 19:45. Я зашел в «Риц» и от имени Роя Дугласа отправил мисс Лидс телеграмму с просьбой позаботиться о голубях. Мне хотелось как можно быстрее вернуться домой на Тридцать пятую улицу, поскольку я не знал, в какой момент полиция найдет на теле Энн мою записку — сразу же или несколько часов спустя, когда патологоанатомы приступят к вскрытию. Более того, мне в любом случае нужно было быть дома. Вдруг кто-нибудь придет или позвонит. Однако прежде всего мне требовалось покончить с одним срочным делом. Рой Дуглас как-никак был женихом Энн, и хотя, с моей точки зрения, он проявил невероятное хладнокровие, беспокоясь о голубях, в то время как тело его удавленной возлюбленной еще толком не успело остыть, мне очень хотелось кое-что проверить, чтобы не остаться в дураках. В связи с этим я отправился на поиски телефонного справочника и телефона.

На все про все у меня ушло почти сорок пять минут. Сперва я набрал номер Национальной ли-

ги по разведению птиц в надежде на то, что там кто-нибудь задержался на работе, но, увы, никто не снял трубку. Пришлось попотеть. Я позвонил в «Таймс» и в «Газетт». Наконец какая-то добрая душа в «Геральд трибьюн» дала мне телефонный номер и адрес президента Национальной лиги по разведению птиц. Когда я позвонил ему, выяснилось, что он уехал в командировку в Цинциннати, но его жена дала мне телефон и адрес его секретарши, проживавшей в Бруклине. Мне удалось до нее дозвониться. Однако, черт побери, что за невезение! Как оказалось, сегодня всю вторую половину дня секретарши не было на рабочем месте, потому что ее отправили на совещание. У меня семь потов сошло, прежде чем я наконец уговорил ее дать мне телефон еще одной женщины из Национальной лиги, которая сегодня была на работе в офисе. Когда я позвонил ей, мне улыбнулась удача: женщина явно скучала, а потому мне не пришлось словно клещами вытягивать из нее информацию. Она достаточно охотно все рассказала сама. Энн Амори сидит за соседним столом от нее, и они сегодня ушли с работы вместе. Это случилось вскоре после пяти. Ну что ж, мои усилия не пропали даром. Игра стоила свеч. Рой приехал к Вулфу без пяти пять,

то есть Энн еще была на работе. Я вздохнул с облегчением. Крайне неприятно было бы узнать, что собственноручно спровадил из города убийцу, дав ему на дорогу сотню баксов.

Я взял такси до дому, заехав по дороге за парой сэндвичей и бутылкой молока. Выйдя из машины, я убедился, что мне все еще сопутствует удача. Дома было тихо. Все уже улеглись спать. Комнаты были погружены во тьму. Я бы предпочел расправиться с сэндвичами и молоком на кухне, однако не хотел, чтобы звонок в дверь нежданного посетителя перебудил домочадцев, а потому, не включая света, я пробрался на кухню, взял стакан и вышел на крыльцо. Затворив дверь, я присел на верхнюю ступеньку и приступил к ужину. Пока все шло как по маслу.

Сэндвичи оказались превосходными. Шло время, я начал мерзнуть. Мне не хотелось ни топтаться на крыльце, ни ходить по тротуару. В подвале спал Фриц, а насколько крепким был его сон после тренировок, я не знал. Я поднялся со ступеньки и стал хлопать руками, чтобы кровь быстрее побежала по жилам. Затем я снова сел и глянул на часы — 22:40. Я принялся ждать. Казалось, прошла целая вечность. Я опять глянул на часы — 22:55. Раньше я боялся, что полицейская

опергруппа, обнаружив мою записку на теле Энн, доберется до дома Вулфа раньше меня, а теперь начал опасаться, что чертовы патологоанатомы отложат вскрытие до утра и потому мне придется проторчать на крыльце всю ночь. Я снова встал и принялся хлопать по телу руками.

Наконец, ближе к полуночи, на улице показалась полицейская машина. Притормозив, она остановилась прямо напротив крыльца, и из нее вылез человек. Я сразу узнал его, узнал, прежде чем подошвы его ботинок коснулись тротуара. Это был сержант Стеббинс из убойного отдела. Он прошелся по тротуару, поднялся по ступенькам крыльца и замер, увидев меня.

— Привет, Пэрли! Уже так поздно, а ты, я смотрю, еще не спишь?

— Ты кто? — резко спросил он, но, присмотревшись, сменил тон. — Черт меня подери! Не узнал тебя в форме. Ты когда вернулся?

— Вчера днем. Как борьба с преступным миром?

— Идет помаленьку. Давай зайдем в дом, присядем и немного потолкуем?

— Извини, но никак не получится. И говори потише. Все уже спят. Я просто вышел подышать свежим воздухом. Слушай, я очень рад тебя ви-

деть.

— Ага, я тоже. Мне надо задать тебе пару вопросов.

— Валяй, задавай.

— Ладно. Вопрос такой: когда ты в последний раз видел Энн Амори?

— Черт! — с сожалением вздохнул я. — Ну зачем ты так? Взял и задал именно тот вопрос, на который я не собираюсь сегодня отвечать. Сегодня я отказываюсь отвечать на вопросы о девушках по имени Энн.

— Что за вздор! — прорычал он.

Знакомый рык, который время от времени мне приходилось слышать от него на протяжении вот уже десяти лет.

— Думаешь, я приехал шутки с тобой шутить? — угрожающе продолжил он. — Ты вообще в курсе, что ее нет в живых? Что она была убита?

— Пэрли, а я-то тут при чем?

— Ты еще спрашиваешь. Ее убили. Ты прекрасно понимаешь, что тебе придется нам все рассказать.

— С какой стати? — осклабился я.

— С такой, что ты у нас проходишь по делу как главный свидетель. Пока как свидетель. Так что давай отвечай, а не то продолжим разговор в

участке. Кстати, возможно, мне все равно придется тебя доставить туда.

— Хочешь сказать, что собираешься арестовать меня как важного свидетеля?

— Именно это я и хочу сказать.

— Валяй! Надо же, меня никогда раньше не арестовывали в Нью-Йорке, и тут такое! И главное, кто меня арестует! Ты! Давай арестовывай.

Сержант зарычал. Он явно терял терпение.

— Черт тебя подери, Арчи, хватит валять дурака! Чего ты так себя ведешь? Это все твоя форма? Ты ведь теперь офицер, так?

— Ага. Майор Гудвин. Кстати, ты мне не откозырял.

— Слушай, ради бога…

— Нет, так не пойдет. Нет, и точка. Я ни слова не скажу об Энн Амори.

— Ладно, — кивнул Стеббинс, — я всегда подозревал, что ты псих. Ты арестован. Иди в машину.

Я подчинился.

Прежде чем я смог расслабиться и позволить событиям идти своим чередом, мне оставалось обстряпать одно маленькое дельце. Когда меня доставили на Сентр-стрит, я напомнил о своем праве на один телефонный звонок. Я выдернул из

постели одного знакомого адвоката и попросил его кое-что передать Биллу Пратту, работавшему в «Курьере». В 3:45, после трех часов в обществе инспектора Кремера, двоих лейтенантов, нескольких сержантов и прочей шелупони, после трех часов, в ходе которых я так и не сказал ни слова, ни полслова о жизни и смерти Энн Амори, меня заперли в камере прекрасной новой городской тюрьмы, чье внутреннее убранство значительно уступало убранству внешнему.

Глава 8

Мне пришлось потратить два доллара на то, чтобы уговорить охранников тайком принести мне в камеру газету, но оно того стоило. На дворе была среда. Я сидел на краю койки и с восхищением взирал на заголовок, украшавший первую страницу утреннего выпуска «Курьера»:

В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ УБИЙСТВА

ЗАДЕРЖАН ПЕХОТНЫЙ МАЙОР

БЫВШИЙ ПОМОЩНИК НИРО ВУЛФА ЗА РЕШЕТКОЙ

Дела складывались не просто хорошо, нет, черт возьми, они шли просто превосходно! Словосочетание «пехотный майор» уже само по себе было унизительным, но «бывший помощник Ниро Вулфа» вообще заслуживало наивысших похвал. На следующей странице, чтобы подлить масла в огонь, были напечатаны наши с Вулфом фотографии. Статья тоже оказалась хороша. Билл Пратт меня не подвел. Отличные новости пробудили во мне зверский аппетит, и я потратил еще два доллара, чтобы охранники сходили за праздничным

завтраком для меня. Успех следовало должным образом отметить. Покончив с едой, я растянулся на койке, решив подремать, ведь я толком не спал последние две ночи и хотел наверстать упущенное.

Меня разбудил лязг дверного замка. Заморгав, я уставился на охранника, который жестом велел мне выйти из камеры. Я встал, встряхнулся, с наслаждением зевнул и пошел за ним. Мы подошли к лифту, спустились вниз, вышли из тюремной секции и, пройдя по лабиринту коридоров, оказались в кабинете. Здесь мне уже доводилось бывать. Тут все было знакомо: все та же обстановка, те же привычные лица — и лишь один элемент поражал своей новизной. Инспектор Кремер сидел за столом, сержант Стеббинс стоял рядом, на случай если понадобится помощь, не требующая умственных усилий, еще за одним столиком, поменьше, сидел мужчина с блокнотом. Хотите знать, что за новый элемент в обстановке меня так потряс? Это был Ниро Вулф, который сидел на стуле рядом со столом Кремера. Когда я увидел, что на Вулфе больше нет тренировочного костюма, мне пришлось поджать губы, чтобы сдержать довольную улыбку. Ниро Вулф был одет в полосатый темно-синий костюм, жел-

тую рубаху с темно-синим галстуком. Из-за того что шеф похудел, костюм сидел на нем неважно, но это меня в данный момент не волновало.

Вулф посмотрел на меня и не сказал ни слова. Но он все же посмотрел! Уже добрый знак.

— Сядь! — велел мне Кремер.

Я сел, положил ногу на ногу и напустил на себя угрюмый вид.

Вулф оторвал от меня взгляд и резко произнес:

— Мистер Кремер, извольте вкратце повторить то, что вы мне сказали.

— Он все и так прекрасно знает! — прорычал Кремер и стиснул руки, лежавшие на столе, в кулаки. — Вчера, в десять минут восьмого вечера, когда миссис Чак вернулась в свою квартиру, расположенную в доме номер триста шестнадцать по Барнум-стрит, она обнаружила свою внучку Энн Амори убитой. Мисс Амори лежала на полу. Жертва преступления была удавлена шарфом, который все еще находился у нее на шее. Патрульная машина приехала в 19:21, следственная группа — в 19:27, судмедэксперт — в 19:42. Было установлено, что смерть девушки наступила от одного до трех часов до момента обнаружения. Тело было доставлено…

Вулф покачал пальцем:

— Давайте пройдемся только по основным фактам. Тем, что касаются мистера Гудвина.

— Об этих фактах ему тоже все прекрасно известно. На теле девушки, под платьем, была обнаружена записка, которую я вам показал. Почерк Гудвина, подписана именем «АРЧИ». Листок бумаги вырван из записной книжки, которую мы обнаружили у Гудвина. Мы ее изъяли, и теперь она у меня. В квартире найдены три группы свежих отпечатков пальцев, принадлежащих Гудвину. Кроме того, под шарфом, опутывавшим шею задушенной девушки, нами был обнаружен клочок волос. Всего в этом клочке одиннадцать волосков. Мы сравнили их с образцами волос Гудвина. Совпадение полное. В понедельник вечером Гудвин был по этому адресу и устроил там миссис Чак скандал. Затем он повез Энн Амори в клуб «Фламинго», откуда поспешно с ней ушел, после того как одна из женщин, чье имя не имеет отношения к делу, устроила ему сцену. Вчера Гудвин снова побывал в доме номер триста шестнадцать по Барнум-стрит, где пытался навести справки о человеке по фамилии Фьюри, Леон Фьюри. Насколько нам известно, Гудвин провел там почти весь день, расспрашивая соседей. О чем именно — мы сейчас разбираемся. Соседи

его опознали. Более того, у нас имеются два свидетеля, утверждающие, что вчера примерно в половине седьмого — в семь часов вечера видели Гудвина на Барнум-стрит неподалеку от дома триста шестнадцать. Он был в компании Роя Дугласа, проживающего…

— Достаточно! — оборвал инспектора Вулф и перевел на меня взгляд. — Арчи, немедленно объяснись!

— После того как мы ознакомили Гудвина с имеющимися показаниями и уликами, он отказался с нами разговаривать! — прогремел Кремер. — Он охотно дал себя обыскать, зная при этом, что у него в кармане лежит записная книжка. Он позволил взять у него образцы волос для анализа. Однако при этом он отказывается говорить. Мало того, — Кремер грохнул кулаком по столу, — сюда еще приехали вы! Впервые за все эти годы вы удосужились почтить нас визитом — и ради чего! Вы явились сюда и начали угрожать, что разгоните все полицейское управление!

— Я всего лишь… — начал Вулф.

— Секундочку! — проревел Кремер. — Вы пятнадцать лет действуете мне на нервы и вешаете лапшу на уши. Вы — пятнадцать, а Гудвин по меньшей мере десять. И вот он теперь сидит

передо мной. Полюбуйтесь на него! Обратите внимание, его еще никто не обвиняет в убийстве. Он пока задержан как важный свидетель. Но ничего, у нас есть клок его волос, что ж, давайте теперь вместе над этим похохочем. Вы ведь так любите острить! Именно такие детали убийцы всегда упускают из виду. Он просто не обратил внимания на то, что девушка вцепилась в него, вырвала клок его волос, а потом, когда он стал ее душить, она попыталась ослабить шарф, стягивавшийся на ее горле. Так его волосы и оказались под шарфом убитой. Вулф, вы человек умный, умнее вас я вообще никого не встречал. Вы сможете предложить какую-нибудь другую, столь же убедительную версию, объясняющую, каким образом волосы Гудвина оказались у девушки под шарфом? Нет? Вот именно поэтому, если будет подано прошение выпустить Гудвина под залог, мы его опротестуем.

Кремер извлек из кармана сигару, поднес ее ко рту и впился в нее зубами.

— Все в порядке, босс, — произнес я и попытался изобразить мужественную улыбку. — Не думаю, что у них получится меня посадить. Нет, куда им. Я уже связался с адвокатом, сегодня мы с ним встретимся, и он меня отсюда вытащит. А

вы езжайте домой и не переживайте за меня. Я не хочу, чтобы вы прерывали тренировки.

Вулф безмолвно шевелил губами. От гнева он потерял дар речи. Наконец он глубоко вздохнул и заговорил:

— Арчи, у тебя преимущество. У меня нет на тебя рычагов воздействия. Я не могу тебя уволить, поскольку ты у меня уже не работаешь. — Вулф перевел взгляд на инспектора. — Мистер Кремер, вы осел. Оставьте меня с мистером Гудвином наедине. Дайте нам час — и вы получите все нужные вам сведения.

— С вами? Наедине? — насмешливо проворчал Кремер. — Может быть, я и осел, но не до такой степени.

Вулф поморщился. Он сдерживал себя из последних сил.

— Все так, босс, — мужественно сказал я. — Не буду отрицать: я попал в переделку и мои дела плохи. Ничего, с толковым адвокатом я, возможно, и справлюсь. Когда за мной приехали вчера ночью, мне очень хотелось пойти наверх и разбудить вас. Но я сжал зубы и сдержался. Я знал, что вы не пожелаете…

— По всей видимости, Арчи, — с мрачным видом произнес Вулф, — ты успел позабыть о том,

насколько хорошо я тебя знаю. Довольно попусту болтать. Я готов выслушать твои условия.

На мгновение Вулф меня смутил.

— Чего? — запнулся я. — Мои условия?

— Да. На каких условиях ты предоставишь мне сведения, необходимые для того, чтобы расхлебать кашу, которую ты заварил? Неужели ты не понимаешь? Когда Фриц принес газету и я увидел заголовок…

— Да, сэр, я все понимаю. Что же касается условий, то их выдвигаю не я, а армия. Я в ней служу, и я исполняю свой долг. Мы просим вашей помощи…

— Вы ее получите. Я потому и готовлюсь…

— Да, готовитесь. Я разве спорю? Готовитесь окончательно исхудать, поехать на фронт и там погибнуть. Мы же в свою очередь просим вас позволить полковнику Райдеру встретиться с вами, причем сделать это как можно раньше. Мы просим вас вновь включить мозги, вернуться к работе и отдать мне мой свитер, который вы уже безнадежно растянули.

— Будь ты неладен!

— Что, черт возьми, происходит?! — рявкнул Кремер.

— Тише, — оборвал его Вулф.

Он скрестил руки, закрыл глаза, после чего безмолвно задвигал губами. Мы с Кремером уже неоднократно в разных обстоятельствах видели Вулфа, погруженного в подобное состояние. На этот раз Вулф находился в нем достаточно долго. Наконец он глубоко вздохнул и открыл глаза:

— Хорошо. Говори, что знаешь.

— То есть я могу позвонить полковнику Райдеру и сказать, чтобы он зашел к вам завтра в одиннадцать? — осклабился я.

— Откуда мне знать? Ты мне задал работенку.

— Но вы готовы встретиться с ним, после того как закончите с этим делом?

— Да.

— Ладно. — Я повернулся к Кремеру. — Велите Стеббинсу позвонить Фрицу и передать, чтобы он проветрил кабинет и протер там пыль, а затем приготовил обед к восьми. Пусть все будет как обычно, а по средам у нас… жареная индейка, ну и несколько видов гарниров к ней. И пусть купит пива — три ящика.

Пэрли возмущенно заворчал, но Кремер кивком приказал ему выполнить сказанное, и сержант вышел из кабинета.

— Кроме того, — довольным голосом сказал я Кремеру, — прежде чем я раскрою рот, верните

мой паспорт. У меня…

— Притормози, — проскрежетал инспектор. — Теперь твой черед идти на уступки. Если твой рассказ придется мне по душе…

— Это вряд ли. — Я твердо покачал головой. — Мой рассказ вам совершенно не понравится. Кроме убийства, вам нечего на меня повесить. Итак, у вас есть выбор. Вы можете отправить меня за решетку на десять лет… Ну, может, не на десять, но на пять уж точно, и получить от этого удовольствие. Либо вы можете выслушать мой рассказ. И то и другое вместе невозможно. А теперь представим, что произойдет, если вы отправите меня обратно в камеру, а Вулф поедет домой без меня. Как вы думаете, сколько времени вам потребуется, чтобы выяснить, каким образом мои волосы оказались под шарфом? Ну и так далее. Если же вы хотите услышать мой рассказ, я желаю для начала получить назад свой паспорт. А еще мне хотелось бы попросить вас держать себя в руках, поскольку должен признать, что я в порыве энтузиазма…

— В порыве чего?

— Энтузиазма. Рвения.

— Ага. Ясно.

— Да, так вот, я признаю, что в порыве энту-

зиазма позволил себе определенные вольности, которые вы можете счесть весьма оскорбительными.

— Хватит столько болтать! Чего тебе надо?

— Воздуха свободы. Не вешайте на меня убийство. Никаких письменных показаний. Только устные.

— Пошел к черту!

— Как хотите, — пожал я плечами. — В конечном счете вам все равно не удастся посадить меня за убийство. Я знаю кое-что такое, что неизвестно вам. Вам потребуется три тысячи лет, чтобы узнать, откуда взялся клок моих волос под шарфом, не говоря уже о…

— Заткнись!

Я послушно замолчал. Кремер вперил в меня полыхающий взгляд, который я спокойно выдержал. Я был непреклонен. Тем временем шеф сидел с закрытыми глазами, откинувшись на спинку стула.

— Ладно, — проговорил инспектор, — убийство вешать на тебя не буду. Начинай.

Я встал:

— Вы мне позволите позвонить?

Кремер резким движением придвинул ко мне телефон, и я набрал номер Лили Роуэн в Гринви-

че. Поскольку она сразу сняла трубку, я пришел к заключению, что она сидела в номере гостиницы, а не водила Роя за собой по округе. Она была в дурном расположении духа и начала ко мне цепляться, но я тут же оборвал ее, заверив, что мы обстоятельно поговорим при встрече, которая состоится прямо сегодня, если она сядет на ближайший поезд до Нью-Йорка и прямо с вокзала поедет домой к Вулфу. Затем я попросил ее переключить меня на стойку регистрации отеля. Когда это произошло, я попросил соединить меня с номером Роя Дугласа. Несколько мгновений спустя я услышал в трубке его дрожащий голос. Рой, захлебываясь, тут же принялся рассказывать мне про газеты, написавшие о том, что он, мол, пустился в бега и его ищут, но я быстро его успокоил. Велел ему сделать то же самое, что и Лили: возвращаться в Нью-Йорк и ехать к Вулфу. Повесив трубку, я поймал на себе подозрительный взгляд Кремера. Потянувшись к телефону, инспектор сорвал трубку и прорычал в нее:

— Отправьте четырех человек к дому Ниро Вулфа на Тридцать пятой улице. Через пару часов, а может и раньше, там объявятся Лили Роуэн и Рой Дуглас. Если они захотят зайти в дом, пусть заходят. За домом следить в оба глаза. Если они

не пойдут в дом, сядете им на хвост. — Повесив трубку, он повернулся ко мне и показал на меня сигарой. — Держал их наготове? Обоих? В одном ты ошибся, дружок. Ни с какой Лили Роуэн ты сегодня у Вулфа не встретишься, потому что тебя там не будет. А теперь давай мы тебя послушаем.

— Рассказывай, Арчи, — чуть слышно произнес Вулф.

Глава 9

Ну, я все и рассказал. Уж чего-чего, а излагать события, свидетелем которых мне довелось стать, я умею. И Вулф, и Кремер прекрасно знали об этом моем таланте и потому слушали, не перебивая. По сути дела, задача передо мной стояла несложная: взять и выложить все, что знаю, словно сумку раскрыть и вывалить наружу ее содержимое. Я не видел причин что-либо утаивать от Кремера, поэтому говорил так, словно был с Вулфом наедине. Я выложил все, за исключением одной детали. Скромность не позволила мне признаться в том, что Лили Роуэн преследует меня, потому что мечтает читать мне вслух, и эта мечта — неотъемлемая часть ее жизни, а достижение этой мечты является путем к обретению счастья. Я просто сказал, что мы чисто случайно столкнулись с ней в самолете, когда я летел в Нью-Йорк. От нее я узнал, что ее подруга Энн Амори попала в какую-то беду, и решил воспользоваться этой оказией, чтобы привести Ниро Вулфа в чувство. Естественно, мне пришлось рассказать и о цели моей командировки в Нью-Йорк, иначе я просто

не смог бы объяснить, зачем подкинул записку, оставил отпечатки пальцев в квартире и сунул клок волос под шарф. Впрочем, Вулф и так уже обо всем догадался, раз спросил меня о моих условиях.

— И вот, — закончил я, глядя прямо на Вулфа, — я перед вами. Я опозорил военную форму. Миллионы людей по всей Америке сейчас читают заголовок «Бывший помощник Ниро Вулфа за решеткой» и давятся от смеха. Даже если Кремер поверит в мою историю, у него все равно останется клок моих волос. Если он мне не поверит, возможно, я закончу свою жизнь на электрическом стуле. И все это, между прочим, из-за вас! Если бы вы…

Кремер с кислым видом смотрел на меня, жуя уже третью по счету сигару и потирая затылок.

— У меня болела голова, — перебил он меня, — а теперь болит еще сильнее. Мой сын сейчас в Австралии. Он служит в ВВС, на бомбардировщике.

— Я в курсе, — вежливо отозвался я. — И как, вы получали от него в последнее время весточки?

— Пошел к черту! Дьявол тебя забери, Гудвин, я столько лет мечтал тебя проучить! И вот мне наконец подвернулся такой роскошный шанс. Пять лет меня вполне устроят. Однако я обещал не

вешать на тебя убийство, а мое слово железное. Если бы я его тебе не дал, будь уверен, я бы и убийство на тебя повесил. Однако ты носишь военную форму совсем как мой сын, а я придаю таким вещам большое значение, куда большее, чем, по всей видимости, ты. Кстати, скорее всего, тебя будет судить военный трибунал. Примерно час назад сюда наведывался полковник Райдер. Он желал тебя видеть, но я отправил его восвояси.

— Ничего страшного, — успокаивающим голосом отозвался я. — Как только мистер Вулф отыщет убийцу, все опять будет прекрасно.

— Да что ты говоришь? Вулф отыщет убийцу? Как мило с его стороны!

— Арчи, — к Вулфу наконец вернулся дар речи, — ты признаешь, что устроил весь этот цирк только ради того, чтобы на меня надавить? Чтобы вынудить меня дать согласие сотрудничать?

— Не вынудить, а побудить. Но в целом вы совершенно правы, сэр.

— Что ж, об этом мы с тобой поговорим позже, — с мрачным видом кивнул Вулф. — Всему свое время. Такие вещи я предпочитаю обсуждать с глазу на глаз. Сперва разберемся с этим убийством. Что из твоего рассказа мистеру Кремеру правда?

— Все.

— Сейчас ты разговариваешь со мной.

— Я в курсе.

— Ты много утаил?

— Ничего. В этом вся суть.

— Я тебе не верю. Ты два раза запнулся.

— Да ладно, вы просто слегка сдали, вот вам всякое и чудится, — покачал я головой и осклабился. — Вот к чему приводят длительные перерывы в работе. Впрочем, кое-что я действительно утаил. Я действительно хотел, чтобы вы снова занялись делом, потому что армия нуждается в вашей помощи. Однако мною руководил и еще один мотив. Он появился, когда я увидел на полу тело Энн Амори. Она была славной девушкой. Порядочной. Я танцевал с ней. Она пришлась мне по душе. Если бы вы знали, какой она была в понедельник вечером… А потом я увидел ее там на полу. И мне захотелось, чтобы человек, который сотворил с ней такое, поскорее отправился бы на тот свет по приговору суда. Это и было второй причиной, в силу которой я решил заставить вас вернуться к работе. Меня не оставляет мысль, что смерть Энн отчасти на моей совести. Возможно, именно мое появление в этом доме на Барнум-стрит разворошило осиное гнездо. Быть может,

если бы я туда не совался, она осталась бы жива.

— Вздор! — раздраженно проговорил Вулф. — Это гриб может вырасти за ночь, а убийство планируется куда как дольше. Ну, что скажете, мистер Кремер? Что у вас? Вам еще что-нибудь нужно?

— То, что я получил от Гудвина, мне без надобности, — проворчал Кремер. — Это если я ему верю. Ладно, допустим, я ему верю. Хотя он и угробил рабочую версию. Теперь придется вычеркивать из списка подозреваемых моего фаворита.

— Вы о Рое Дугласе? — изумленно поднял брови я. — Вы думали, убийца он?

— Думал. — Кремер швырнул в мусорное ведро изжеванную сигару, которую так и не закурил. — Во-первых, он пустился в бега. Однако, если ты говоришь правду, он не имеет отношения к убийству. Три свидетеля показали, что девушка ушла с работы вскоре после пяти. Раньше 17:20, а то и 17:25 она просто не могла вернуться домой. Мисс Роуэн обнаружила ее мертвой примерно в 17:45. Таким образом, мисс Амори убили именно в этот двадцатиминутный промежуток. Даже если ты надуешь щеки и станешь утверждать, что ее убили где-то еще, после того как она ушла с работы, а

в квартиру занесли уже труп, это ничего не изменит. Дуглас вне подозрений. По твоим словам, он добрался до дома Вулфа еще до пяти и все время, вплоть до прибытия мисс Роуэн, был с тобой.

— Я же говорил, что узнавал, во сколько она ушла с работы, — кивнул я. — Думаете, я мог бы лично отправить убийцу на поезд и дать ему сто баксов на дорогу? Это уже слишком! Ну и кто у нас остался в списке подозреваемых? Как насчет Леона Фьюри?

— С четырех часов вечера резался в бильярд в кабачке «У Мартина» и ел сэндвичи. Играл и ел. Вернулся домой едва ли не в полночь.

— Алиби железное?

— Думали, что да. Теперь придется перепроверять. Мы-то думали, что убийца — Дуглас, за ним и охотились. Теперь вся работа насмарку, все придется переделывать заново. Думаю, даже родную бабку нельзя скидывать со счетов. Два свидетеля показали, что видели, как она заходит в дом в десять минут восьмого, но она могла вернуться и раньше, а потом снова уйти. Есть еще и мисс Лидс. Между половиной седьмого и семью часами у нее была встреча с ее личным агентом по недвижимости — они обсуждали текущие дела, счета, стоимость ренты. Теперь их тоже

придется проверить. Мы исключили из списка подозреваемых еще четырех человек, которые в момент убийства находились в доме, поскольку они вроде бы не имеют и не имели к Энн Амори никакого отношения. Теперь придется заняться и ими тоже. Вот черт! — Кремер, сверкнув глазами, посмотрел на меня. — Всякий раз, когда я сталкиваюсь с тобой, у меня начинаются неприятности и прибавляется хлопот.

Он снял телефонную трубку и принялся отдавать указания. Поднялась суета. За весьма короткий промежуток времени в кабинете успело побывать несколько десятков полицейских. Каждому из них Кремер дал задание. Я не особо следил за происходящим. Несмотря на то что Вулф дал согласие встретиться с полковником Райдером и не стал возражать против моего распоряжения Фрицу приготовить сегодня на ужин жареную индейку, я все еще не был уверен в том, что он окончательно и бесповоротно решил вернуться к прежней жизни. Он был непредсказуем, словно Лили Роуэн, и я лихорадочно соображал, что же сделать такого, чтобы он всей головой ушел в работу. Внешний вид Вулфа вызывал у меня беспокойство. Он держал голову прямо, а глаза его были широко открыты. Я понятия не

имел, что это означает, потому что раньше Вулф никогда так не выглядел. Ясное дело, требовалось немедленно вернуть его домой, усадить за стол в кабинете, поставить перед ним пиво и дать почувствовать ароматы, тянущиеся с кухни.

Я как раз размышлял над тем, как бы все это изложить Кремеру, как вдруг инспектор избавил меня от лишних хлопот. Он отодвинул телефон в сторону и резко произнес, обращаясь к Вулфу:

— Вы интересовались, что мне еще нужно. Думаю, вы уже догадались, к чему клонится дело.

— Насколько я понимаю, — сухо отозвался Вулф, — оно клонится к задержанию мисс Роуэн.

Кремер без всякого энтузиазма кивнул:

— Верно. Чтобы это понять, не нужно семи пядей во лбу. Нам необходимо проверить всех и каждого, но пока главной подозреваемой становится именно она. А ведь отец Лили Роуэн был одним из моих лучших друзей. Это благодаря ему я попал в полицию. Это он когда-то давно, когда еще работал в мэрии, несколько раз вытащил меня из пары неприятных ситуаций. Я помню Лили с младенчества — она еще говорить тогда толком не умела. Я не буду ее покрывать, но и нашим волкодавам отдавать ее не намерен. Я желаю, чтобы вы поговорили с ней у себя дома. А

сам я хочу сидеть в гостиной, где она не сможет меня увидеть.

— Я ее знаю, — нахмурился Вулф, — я дарил ей орхидеи. В последнее время она меня изрядно донимала. Да, дело нам предстоит малоприятное. — Он кинул на меня взгляд, от которого, по идее, мне полагалось съежиться, затем с отвращением посмотрел на Кремера и тяжело вздохнул. — Ладно, договорились. При условии, что Арчи поедет со мной и останется дома. Этот идиотский фарс…

В кабинет вошел незнакомый мне полицейский; дождавшись кивка Кремера, приблизился к инспектору и доложил:

— Пришла миссис Чак. Она хочет поговорить. С ней мисс Лидс. Куда мне ее направить? К лейтенанту Роуклиффу?

— Нет, — ответил Кремер, глянув на часы, — веди их обеих сюда.

Глава 10

Миссис Чак и мисс Лидс еще в момент нашего знакомства показались мне дамами весьма необычными, и это притом, что я общался с каждой из них по отдельности. Вместе они были вообще нечто. Когда они вошли в кабинет, я едва сумел подавить в себе дрожь. Если говорить о габаритах и весе, мисс Лидс запросто могла нести миссис Чак у себя под мышкой. Однако при виде черных глаз миссис Чак сразу становилось ясно, что если кто-нибудь попробует проделать с ней нечто подобное, то разница в возрасте, габаритах и весе ее совершенно не остановит и она сметет все на своем пути. Там, где мисс Лидс делала один шаг, миссис Чак приходилось делать два, но, несмотря на это, именно миссис Чак возглавляла маленькую процессию. Одеты посетительницы были так, словно только что вылезли из двуколки, сидя в которой наблюдали за парадом солдат, возвращающихся с Испано-американской войны. После того как Пэрли их усадил, Кремер произнес:

— Итак, дамы, вы что-то хотели сказать?

— Еще как хочу! — каркнула миссис Чак. — Я желаю знать, когда вы схватите Роя Дугласа. Хочу посмотреть ему в глаза. Он убил мою внучку.

— Вы рехнулись! — хриплым, но при этом твердым голосом произнесла мисс Лидс. — Как сошли с ума полвека назад, так в себя и не пришли. Я дозволила вам жить в моем доме…

— Я не потерплю…

Тут они обе заговорили хором.

— Дамочки! — рявкнул Кремер, и они тут же замолчали, словно инспектор выключил звук. — Давайте сделаем так, — продолжил он, — вы, мисс Лидс, подождете за дверью, а я сначала выслушаю миссис Чак…

— Ни за что! — отрезала мисс Лидс. — Я тоже желаю послушать, что она вам скажет.

— Тогда сделайте одолжение и не перебивайте ее. Я вам еще предоставлю возможность…

— Она меня боится, — заявила миссис Чак, — давно уже боится, с того самого дня, когда девятого декабря тысяча девятьсот пятого года я узнала, что ее мать отравила белок в Вашингтон-сквер-парке. За такое в тюрьму сажают. Теперь моя внучка мертва, а все потому, что я сама согрешила и мне нечего ждать милости от Бога. Я с радостью готова понести кару. Я уже старая, зажилась, пора

и умирать. Я заслуживаю смерти. Когда в прошлом году девятого декабря померла Кора Лидс, я сказала себе в гордыне: вот она, десница Божья! Я была рада ее смерти. Потом, когда я узнала, что Кору Лидс убил Рой Дуглас, я не пожелала в это поверить. Как можно отринуть десницу Божью…

— Кто такая Кора Лидс? — настойчиво спросил Кремер.

— Ее мать. — Миссис Чак ткнула прямым как стрела костлявым пальчиком в мисс Лидс. — Я отказалась…

— Откуда вы узнали, что ее убил Рой Дуглас?

— Энн рассказала. Моя внучка. Она говорила мне, откуда ей это стало известно, только я уже успела позабыть. Вот теперь со вчерашнего вечера пытаюсь это вспомнить. Ничего, со временем вспомню. Кора Лидс была прикована к постели. Она слегла еще в сентябре, после того как ушибла ногу. Он положил подушку ей на лицо и стал душить… Она пыталась сопротивляться, начала отбиваться, вот сердце у нее и не выдержало. Думаю, Энн видела, как он ее душит… Это я сейчас догадки строю. Понимаете, я не хотела держать рассказ внучки у себя в памяти, поскольку мне было куда приятнее думать, что девятого декабря Кору покарала десница Божья. Вот я и забыла,

что мне Энн рассказала. У стариков вечно такое с памятью творится. Прошлой ночью я пыталась все вспомнить. Решила, как все вспомню, так тут же приду к вам. А потом подумала, чего напрасно ждать, лучше поторопиться.

— Она сумасшедшая, — низким, почти мужским голосом пробасила мисс Лидс. — Говорю вам, она рехнулась еще в…

Кремер жестом оборвал ее, не отрывая при этом взгляда от миссис Чак.

— Однако, — пророкотал он, — вы сказали, что вашу внучку убил Рой Дуглас. Вы помните, откуда вам это стало известно?

— Ну конечно! — возмущенно отозвалась старуха. — Он убил мою внученьку, потому что боялся ее. Она же знала, что он убил Кору Лидс. Вот он и опасался, что она кому-нибудь это расскажет. Чем вам не повод?

— Спорить не буду, повод весьма серьезный, — кивнул Кремер, — но я вас спрашивал о другом. У вас есть доказательства вины Дугласа? Какие-нибудь улики? Может быть, вы видели его на месте преступления?

— Видела? Его? Да как же я могла его видеть, если меня дома не было? Когда я вернулась домой, она уже была мертва. Мне восемьдесят девять

лет! — пронзительно закричала миссис Чак. — Я прихожу домой и вижу, что моя внучка убита! Я все тщательно обдумала. Когда я отправилась спать, то уже знала, что это он убил ее! Я хочу, чтобы вы схватили его! Я хочу посмотреть ему в глаза!

— Посмотрите, — заверил ее Кремер. — Успокойтесь, миссис Чак. Вы помните, почему он убил Кору Лидс?

— Разумеется. Он не хотел расставаться со своей голубятней. Она собиралась ее снести.

— Я-то думал, она построила голубятню специально для него, — не смог удержаться я от комментария.

— Так оно и было. Вбухала в голубятню не одну тысячу долларов. Но потом, после того как Кора повредила ногу и не могла больше ходить в парк, она возненавидела Дугласа. Она вообще возненавидела весь свет. Передала мне, чтобы я собирала вещи и выметалась из дома, в котором прожила больше сорока лет. И Леону тоже сказала убираться вон, а еще заявила, что больше не будет ему платить за убитых ястребов. Раньше она выкладывала ему по двадцать долларов за каждого убитого ястреба. А еще она сказала Рою Дугласу, что голуби принадлежат не ему, а ей, что она

снесет голубятню, а сам Рой может отправляться на все четыре стороны. Затем она запретила родной дочери ходить в парк кормить голубей, а потом, когда узнала, что дочь тайком продолжает платить Леону за убитых ястребов, то вообще оставила ее без гроша. Вот как она себя стала вести, после того как повредила ногу и лишилась возможности ходить в парк. Нет ничего удивительного в том, что, когда ее не стало, я решила, что это десница Божья. Да и к тому же померла она не когда-нибудь, а как раз девятого декабря. Боже, прости меня, как же я заблуждалась! И ведь я знала, знала, что это Рой Дуглас убил ее, мне же Энн все рассказала… Боже, прости меня…

— Мисс Лидс, насколько я понимаю, из того, что вы успели сказать, вы не согласны с миссис Чак. Это так? — прочистив горло, спросил Кремер.

— Да, это так. Не согласна! — решительно произнесла мисс Лидс. — Она сумасшедшая. Это она все сама.

— Что вы имеете в виду? Хотите сказать, что миссис Чак сочиняет?

— Я хочу сказать, что она сама во всем виновата. Это она убила мою мать и свою родную внучку. Впрочем, сомневаюсь, что она отдает себе в этом отчет. Никто в своем уме даже пальцем

бы Энн не тронул. Она была само очарование. Ее все любили.

— Прошу прощения, — снова вмешался я, — в понедельник вы сказали, что вашу мать никто не убивал и что она умерла от старости.

— А вы сказали, — парировала она, уничтожающе на меня посмотрев, — что пришли просто повидаться с Энн, и вот теперь сидите здесь. А ведь я говорила, что армия, что полиция — все одно и то же. Сидите здесь вместе и ничего не делаете. За шестьдесят лет вы и пальцем не пошевелили, чтобы прогнать ястребов из города. Ну сказала бы я вам, что мою мать убила сумасшедшая старуха. Толку-то! Вы бы все равно с места не сдвинулись. Откуда мне было знать, что она собирается убить Энн? Я пришла сюда с ней только потому, что…

— Мадам! — произнес Вулф таким тоном, что мисс Лидс тут же замолчала. — Если вы сами в здравом уме, ответьте на несколько простых вопросов. Ваша мать действительно велела миссис Чак выселяться из квартиры?

— Да, но она имела на это полное право! Дом принадлежал ей и…

— Она действительно перестала платить Леону Фьюри за убитых ястребов и велела ему убирать-

ся вон из дома?

— Да, после того как она повредила ногу…

— Она говорила Рою Дугласу о своих планах снести голубятню?

— Да, ей было невыносимо…

— Она действительно оставила вас без денег и запретила ходить в парк?

— Да, но я не…

— В таком случае, сударыня, вы ставите миссис Чак неверный диагноз. Эта дама, несмотря на свой более чем преклонный возраст, прекрасно, в подробностях, помнит об этих событиях, что свидетельствует о ее ясном уме. Я бы вам не советовал…

На столе у инспектора зазвонил телефон, и Кремер снял трубку. Он выслушал, велел ждать и, повернувшись к Вулфу, произнес:

— Я с ними закончил. А вы? — Вулф кивнул, и Кремер скомандовал в трубку: — Зайди, проводи дам и затем доставь его ко мне.

Выставить посетительниц из кабинета оказалось не такой простой задачей. Может быть, Вулф и Кремер с ними закончили, а вот они с инспектором и моим боссом — еще нет. В итоге Кремеру пришлось встать из-за стола, чтобы спровадить дам за дверь. К тому моменту, когда он снова сел,

дежурный уже доставил в кабинет следующего посетителя.

Глава 11

Леон Фьюри был сам на себя не похож. Вернее, если быть точным, он не был похож на того Леона, с которым я виделся в предыдущий раз. Фьюри вошел в кабинет, осмотрелся и, когда ему предложили сесть, плюхнулся на стул. Я не заметил ни малейшего следа былой веселости и самодовольства. На этот раз ничто не говорило о том, что он сегодня до полудня ходил в пижаме. Меня вообще терзали сомнения в том, что он сегодня надевал пижаму. Его одежда выглядела так, словно он спал не раздеваясь. Картину довершали мешки под налитыми кровью глазами и двухдневная щетина. На мой взгляд, он вполне вписывался в образ убийцы, задушившего Энн Амори. Загвоздка заключалась в том, что у него было алиби.

— Хотите что-то сказать? — спросил Кремер.

— Да, хочу. — Леон говорил слишком громко для человека вне подозрений. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке. — Я хочу знать, зачем вы подсылаете людей следить за мной. Я подробно, буквально по минуте рассказал вам, что делал в

тот вечер, а потом вы еще проверили мои слова. По какому праву вы обращаетесь со мной как с уголовником? Следите за мной, проверяете мою карточку призывника, выясняете, где я давным-давно бывал и чем в то время занимался. Зачем все это?

— Стандартная процедура при расследовании убийства, — коротко ответил Кремер. — Да, на это уходит много времени. Если вы чем-нибудь недовольны, если считаете себя пострадавшим, обратитесь к адвокату. Наши действия вам чем-то мешают?

— Не в этом дело. — Леон не собирался сбавлять тон. — Я уже доказал, что не имею к убийству никакого отношения, и вам это чертовски хорошо известно. У вас нет ни малейшего права копать под меня, словно я в нем замешан. Я, как и любой другой человек, имею право зарабатывать на жизнь. Может, вы и не одобряете того, что я убиваю ястребов, но мисс Лидс платит мне за это деньги, так что какое вам до этого дело?

— Так вот вы о чем, — проворчал Кремер.

— Да, именно об этом. Вы попусту обзваниваете всех и каждого в штате Нью-Йорк и тем самым швыряете на ветер деньги налогоплательщиков. Ну да, вы выяснили, что фермеры снабжают меня

ястребами, которых им удалось подстрелить, а я плачу им по пять баксов за птицу. И что теперь? Это что, преступление? Если мисс Лидс готова выкладывать по двадцатке за каждого дохлого ястреба, я имею право на этом немного подзаработать. Или это сейчас уголовно наказуемое деяние? Она счастлива, так? От ястребов один вред. Они охотятся на кур. Кому я делаю плохо? И государство довольно, и фермеры довольны, и мисс Лидс довольна, и я доволен. Все рады!

— Так чего вы возмущаетесь?

— Я возмущаюсь, потому что боюсь! Боюсь, что вы обо всем расскажете мисс Лидс, и тогда конец всему, на деле смело можно ставить крест. Сейчас она считает, что ястребов убиваю я сам, причем убиваю их в городе, она от этого счастлива, так пусть будет счастлива и дальше. Вам-то до нее какое дело? Или, скажем, до меня? По сути, если все до предела упростить, я оказываю ей любезность. И не думайте, что я перегибаю палку и выжимаю из нее все соки. В среднем я приношу ей по три-четыре птицы в неделю, а мог бы в два-три раза больше, если бы…

— Довольно! — с отвращением произнес Кремер. — Прочь отсюда! Я не желаю… Погодите… Вы придумали эту схему с дохлыми ястребами

достаточно давно, так?

— Ну… как давно… Я бы не сказал, что…

— Сколько вы уже морочите ей голову?

— Честно говоря, затрудняюсь ответить, — замялся Леон.

— Где-то, наверное, год?

— Ну да, конечно, год-то уж точно. По меньшей мере.

— А сколько вам платила ее мать, покойная миссис Лидс? Столько же, сколько и дочь? Двадцать долларов за ястреба?

— Да, именно столько. Это она установила сумму гонорара, не я.

— А что случилось после того, как она повредила ногу и слегла? Она отказалась вам платить? И сама вам не платила, и дочери запретила это делать, так? А еще она приказала вам съехать, верно?

— Ах вот вы о чем! — Леон с презрением отмахнулся.

— Может быть, все это случилось, потому что миссис Лидс узнала правду? Она узнала о том, что ястребов убиваете не вы, а фермеры, которые и продают вам дохлых птиц?

— Нет, все было не так. После того как миссис Лидс слегла, она уже не могла наслаждаться жиз-

нью и потому решила превратить жизнь всех тех, кого знала, в ад. Откуда ей было узнать о моей маленькой хитрости? Она же была прикована к постели.

— Именно поэтому я вас об этом и спрашиваю.

— А я вам уже ответил. — Леон подался вперед. — Я хочу знать, что вы собираетесь делать? Вы будете молчать или погубите меня, рассказав все мисс Лидс? У вас нет ни малейшего права…

— Увести, — устало бросил Кремер. — Стеббинс, выведи его вон!

Сержант Стеббинс кинулся выполнять приказ.

И вот в кабинете остались лишь мы втроем. Мы переглянулись. Я зевнул. Вулф ссутулился. Он уже начал забывать о том, как правильно держать осанку. Кремер извлек сигару, придирчиво осмотрел ее и сунул обратно в карман.

— Как мило с их стороны, — деловым тоном заметил Вулф. — Являются к вам и выкладывают такое…

— Это точно. — Кремер принялся массировать затылок. — Они нам очень помогли. У нас есть отчет о смерти миссис Лидс, составленный участковым, но толку от него никакого, разве что подтереться. Допустим, у каждого из жильцов имелся мотив от нее избавиться. Что мы с этого

имеем? Каким образом эта информация сможет нам помочь с поимкой убийцы Энн Амори? У каждого из фигурантов дела есть алиби. А что прикажете делать с показаниями миссис Чак? Ее дочь говорила, что Рой Дуглас — убийца, а откуда ей это стало известно, она, видите ли, не помнит. Превосходно, просто превосходно! Кроме того, передо мной сидит Гудвин, который утверждает, что Дуглас в момент убийства находился вместе с ним. — Инспектор мрачно на меня посмотрел. — Слушай, сынок, я знаю, тебе и раньше доводилось водить меня за нос, и ты в курсе, что мне это известно. Клянусь Богом, если ты сейчас покрываешь Дугласа — молись! Я не посмотрю, кто ты там, майор или бригадный генерал, я…

— Я вам не вру, — твердо сказал я. — Я никого не покрываю. Нечего перекладывать с больной головы на здоровую. Подумать только, начальник убойного отдела полиции Нью-Йорка и великий непревзойденный Ниро Вулф, вместо того чтобы расследовать преступление, только и могут, что сидеть и гадать, правду я говорю или вру. Так вот, я говорю правду. Запомнили? Теперь займитесь делом. Дугласа можно вычеркнуть из списка подозреваемых. Прошлым вечером я засел за телефон и все проверил, сделав вашу работу. О

Дугласе можно забыть. У Леона Фьюри железное алиби? Тогда вычеркиваем и его. С моей точки зрения, из списка подозреваемых также можно исключить мисс Лидс и миссис Чак. Я не верю, что кто-то из них причастен к убийству. Таким образом, в числе подозреваемых у нас остается все остальное население Нью-Йорка, численность которого, по разным оценкам, колеблется от семи до восьми миллионов человек…

— И среди них, — прорычал Кремер, — Лили Роуэн!

— Совершенно верно, — кивнул я. — Не буду врать: если ее поджарят на электрическом стуле, я не стану открывать бутылку молока, чтобы это праздновать. С другой стороны, никаких скидок убийце Энн с моей стороны не будет. Если вы подозреваете Лили Роуэн, то вам не о чем беспокоиться. Возможность совершить убийство у нее была, время — тоже. Она сама призналась, что была на месте преступления, она же упомянула об орудии убийства — шарфе. Думаю, вы знаете, что он принадлежал Энн. Установите мотив преступления — и дело в шляпе.

— А с мотивом нет никаких проблем, — не сводя с меня взгляда, отозвался Кремер. — Вспомним вечер понедельника в клубе «Фламинго». От

толпы тамошних посетителей добиться внятных показаний достаточно сложно, однако у меня создается впечатление, что Лили Роуэн была готова разорвать тебя на мелкие кусочки. Потому-то ты и сбежал и утащил с собой Энн Амори. Отчего она взбеленилась? Может, оттого, что приревновала тебя? Тебя к Энн Амори? Может, она приревновала тебя настолько, что на следующий день поехала к Энн выяснять отношения и там, потеряв голову, задушила ее? Ну же, отвечай.

— Вы мне льстите, инспектор, — покачал я головой. — Я не в состоянии распалить столь жаркое пламя страсти. Женщинам нравится мой ум. Да, я могу вдохновить их на чтение хороших книг, однако, думаю, мне не под силу вдохновить на убийство даже Лиззи Борден[3]. О клубе «Фламинго» можете забыть. То, что случилось там между мной и Лили, даже размолвкой толком назвать нельзя. Вы утверждаете, что знаете Лили Роуэн. Я же вам говорил: именно она рассказала мне про то, что Энн Амори попала в беду. А рассердилась Лили на меня из-за того, что я занялся расследо-

[3] Примечания: 3

Лиззи Борден (1860–1927) — гражданка США, которая стала известна благодаря знаменитому делу об убийстве ее отца и мачехи, в котором обвиняли Борден. Несмотря на большое количество доказательств ее вины, она была оправдана.

ванием самостоятельно, без ее участия. Так что ищите другой мотив. Я не хочу сказать, что…

Зазвонил телефон. Кремер снял трубку, минуту слушал доклад, отдал распоряжения, после чего, повесив трубку на аппарат, встал.

— Они на месте, — объявил он. — Оба. Поехали. — Он невесело на нас посмотрел. — Займитесь ею, Вулф. Я не желаю ее видеть, пока в том не будет нужды.

Глава 12

Беда заключалась в том, что я не мог до конца насладиться происходящим.

Дом благодаря моим стараниям вновь приобрел первозданный вид. Фриц прибрал в кабинете и вытер пыль. Вулф снова восседал за своим столом, устроившись в кресле, сделанном специально для него на заказ. Перед ним стояла бутылка пива. Из кухни доносился едва слышный шум: там трудился Фриц. Меньше чем за двое суток я вернул все на круги своя. Однако насладиться победой я не мог. Во-первых, из-за Энн Амори. Я отправился к ней, мечтая о том, что вытащу ее из передряги, а заодно привлеку к этому делу Вулфа. Ну вот, вытащил. Больше она никогда ни в какую передрягу не попадет.

Во-вторых, мне не давали покоя мысли о Лили Роуэн. Даже не углубляясь в анализ чувств, что я испытывал к ней, я не видел ничего особо радостного в том, что из-за меня ей светит смертный приговор и прогулка летним вечером по коридору, ведущему в комнату со стулом, на который люди садятся в первый и последний раз в своей

жизни. С другой стороны, если она действительно совершила это убийство то ли потому, что у нее в какой-то момент что-то перемкнуло в голове, то ли по какой-либо другой причине, я не имел ничего против смертного приговора. Более того, я хотел, чтобы Лили казнили за содеянное. Одним словом, из-за всех этих спутанных чувств при виде прибранного кабинета и Вулфа за своим рабочим местом я не мог до конца насладиться своей победой.

Я ошибся, предположив, что Вулф станет допрашивать наших гостей по отдельности. Шеф пригласил сразу обоих. Я, вооружившись блокнотом, сел за свой стол. Рой Дуглас устроился справа от меня, лицом к Вулфу, тогда как Лили обосновалась в красном кожаном кресле рядом со столом шефа. Дверь в гостиную была открыта. Там за углом, так чтобы их нельзя было увидеть из кабинета, расположились Кремер со Стеббинсом. Ни Лили, ни Рой не знали, что в гостиной у нас сидят полицейские. Помимо роящихся в голове мыслей, мне не давало покоя поведение Лили и выражение ее лица. Меня беспокоило то, как именно она разговаривала со мной и с Вулфом. Уголок ее рта слегка кривился. Кривился чуть-чуть, едва заметно. У меня ушел год, чтобы понять: такое

происходит с Лили, когда она крупно блефует, играя против четырех пик с шестеркой треф на руках. В такие моменты она держалась настолько уверенно, что я сам не замечал, как терялся и пасовал. Даже когда я знал об этой особенности Лили, мне приходилось проявлять крайнюю осторожность, чтобы не остаться с носом.

Вулф был ужасно рассержен. Ни разу в жизни его таким не видел. Надо уточнить, что его состояние было очевидно лишь мне, поскольку я хорошо его знал. Я понимал Вулфа, точнее, думал, что понимал. Шла война нервов, война с Лили, которая сидела в кабинете и наблюдала за происходящим. Вулф спрашивал Роя о голубятне, о птицах, о том, как он познакомился с мисс Лидс и ее матерью, с миссис Чак, с Энн, с Леоном Фьюри, о том, как часто Рой бывал в квартире Чак — Амори, сколько прожил в доме номер 316 по Барнум-стрит, где проживал до этого, насколько хорошо знаком с Лили Роуэн, ну и так далее, водил его вокруг да около. Шло время, я аккуратно записывал в блокнот тонны ненужной информации. Ни Леон, ни Рой не платили за проживание. В день, когда умерла миссис Лидс, Рой был на крыше, возился с голубями и узнал о случившемся от Леона, когда спустился вниз после захода солнца.

Ежегодное содержание голубятни обходилось примерно в четыре тысячи долларов — в эту сумму также входили расходы на приобретение новых птиц. Половину этой суммы покрывали призовые деньги, выигранные на различных соревнованиях, остальное вносила мисс Лидс, а до нее — ее мать. Рой признал, что миссис Лидс грозилась снести голубятню, но она угрожала всем, в том числе и собственной дочери, и никто не воспринимал ее угрозы всерьез. Рой заявил, что не знаком с Лили Роуэн, хотя и слышал от Энн о ней. Нет, ничего такого особенного Энн о Лили не говорила.

Нет, Энн не рассказывала ему о переделке, в которую она попала, однако, судя по ее поведению, Рой догадывался, что ее что-то беспокоит. Его любопытство подстегнуло мое появление в понедельник, когда я заявил, что Лили хочет поужинать с Энн. Когда я на следующий день пришел поговорить с ним, Рой заинтересовался еще больше. Поскольку они с Энн были помолвлены, он считал себя вправе узнать, что именно происходит, и потому приехал ко мне, чтобы поговорить по душам. Рой настаивал на том, что эта причина была единственной. Он понятия не имел о том, что Энн угрожает опасность, причем

опасность непосредственная. Он и представить не мог, что кто-то желал ее смерти, и не имеет ни малейшего представления о том, кто убийца и что именно заставило его пойти на преступление. При этом Рой выразил уверенность в том, что ни один из жильцов дома 316 убийцей быть не может: все они души не чаяли в Энн, даже прожженный циник Леон Фьюри.

— Говорите потише, Рой, — посоветовала Лили Роуэн в 17:20, — а лучше вообще перейдите на шепот, а то еще вы разбудите его.

Я был склонен с ней согласиться. Скрестив руки, Вулф уютно устроился в кресле, откинувшись на спинку, и закрыл глаза. У меня начало закрадываться подозрение, что он уснул. Он месяц не брал в рот ни капли спиртного, а тут прикончил целых две бутылки пива и при этом сидел в единственном во всем мире кресле, которое ему по-настоящему было по душе. Безумие минувших недель, когда ему регулярно дважды в день приходилось выходить из дому и заниматься ходьбой, осталось в прошлом.

Вулф глубоко вздохнул и, приоткрыв глаза, уставился на Лили.

— Шутить изволите, мисс Роуэн? Напрасно. Сейчас не время и не место, — проговорил он,

едва шевеля губами. — Особенно это касается вас. Вы подозреваетесь в убийстве. Уже это как минимум не повод для острот.

— Ха, — сказала Лили — не рассмеялась, а просто сказала: «Ха».

— Уверяю вас, мадам, сейчас не самое подходящее время для ваших «ха». Вы у полиции на подозрении. Вас издергают, истреплют вам нервы. Вам будут задавать вопросы о ваших друзьях и врагах. Следователи станут копаться в вашем прошлом. Делать эту работу они станут плохо, не особо вдаваясь в детали, и потому от этого вам будет только хуже. А копать они будут очень глубоко. Они ведь знают, что давным-давно отец мисс Амори работал на вашего отца, и предположат, если еще не успели это сделать, что причина, в силу которой вы убили мисс Амори, кроется в далеком прошлом. — Вулф едва заметно, всего на четверть дюйма, приподнял плечи, после чего снова ссутулился. — Все это будет для вас крайне неприятным. И потому я настоятельно рекомендую: давайте проясним все, что только можно, прямо сейчас.

Лили снова чуть скривила уголки губ:

— Я считаю, что вам с Арчи должно быть стыдно. Я думала, вы мои друзья, а вы тут пытаетесь

доказать, что я убийца. А я никого не убивала. — Она повернулась ко мне. — Арчи, посмотри на меня. Посмотри мне в глаза. Арчи, я правда никого не убивала.

Вулф погрозил ей пальцем:

— Вчера вечером вы были дома у мисс Амори. Вы пришли к ней где-то между 17:40 и 17:45 и обнаружили, что дверь в ее квартиру открыта. Вы зашли и увидели, что она лежит мертвая на полу. Я все правильно изложил?

Лили смерила его изучающим взглядом. На ее лбу проступили морщинки.

— Пожалуй, — медленно произнесла она, — я не стану об этом говорить. Разумеется, я готова обсудить с вами случившееся, обсудить, как с другом, но сейчас вы ведете себя совсем иначе.

— Я лишь повторил то, что вы рассказали мистеру Гудвину.

— Тогда к чему заново к этому возвращаться?

Глаза Вулфа широко распахнулись. Он явно терял терпение.

— Я исхожу из предположения, что вы либо убили мисс Амори, либо этого не делали. На мой взгляд, это вполне логично, — раздраженно произнес он. — Если вы ее убили, ведите себя как хотите — дело ваше. Если вы ее не убивали, то

сейчас вы ведете себя глупо, поскольку только усиливаете подозрения. В любом из этих двух вариантов на вашем месте было бы правильнее создать впечатление, что вы хотите помочь найти убийцу мисс Амори.

— А я действительно этого хочу. Более того, я просто горю желанием. Но при этом вы сами себя странно ведете. Заставляете меня сидеть здесь часами, а сами мочалите этого Роя Дугласа! — возмутилась Лили. — Рядом с домом дежурят полицейские. Они, наверное, даже здесь, внутри. Начинаете со мной разговор и тут же огорошиваете меня новостью: оказывается, я теперь подозреваемая в убийстве. Арчи сидит и все записывает. — Она повернулась ко мне. — Слышишь, дрянь! Вот как ты решил меня отблагодарить за то, что я тебя послушалась. Я сделала все, как ты приказал, и вот моя награда?! До этого я никогда в жизни не слушалась приказов, и ты это прекрасно знаешь! — Она снова повернулась к Вулфу. — Теперь что касается Энн Амори… Если Арчи рассказал вам то, что я ему, значит вы знаете то же, что и я. Долгие годы я ее не видела и не слышала, и вот пару недель назад она явилась ко мне, сказала, что попала в беду, и попросила порекомендовать адвоката. Я лишь могу еще раз

повторить то, что уже рассказала Арчи.

— Ну так сделайте это, — пробормотал Вулф.

— Не стану! Пусть он сам вам все расскажет. — Лили закипала. Она снова повернулась ко мне. — Полюбуйся на себя, секретарша-стенографистка! Сказал мне приехать сюда, обещал поговорить, и вот что на самом деле мне устроил! До того как мы познакомились, у меня еще имелись кое-какие остатки здравого смысла! Что ты со мной сотворил. Я сломя голову несусь в Вашингтон, чтобы выяснить, где ты, потому что ты не считаешь нужным отвечать на мои телеграммы. Переворачиваю все вверх дном, чтобы мою фотографию разместили на обложке журнала «Лайф», и все ради чего? Ради того, чтобы узнать, что ты летишь в Нью-Йорк! Ради того, чтобы достать билет на тот же рейс! Мало того, я тебе все рассказываю, все-все только потому, что надеюсь, ты смягчишься. Но нет, ты занят, тебе не до меня, я телефон оборвала — пятьдесят раз тебе звонила, пошла в клуб выпить, а ты там! Танцуешь! И после всего того, что я от тебя натерпелась, я по первому твоему свистку пакую вещи, сажусь на поезд…

— Мисс Роуэн! — властно произнес Вулф. — Довольно! Остановитесь!

Она откинулась в кресле и удовлетворенно произнесла:

— Ну вот, теперь мне лучше. Хотелось выговориться при свидетелях. Как гора с плеч свалилась. А сейчас если вы велите ему сводить меня куда-нибудь и угостить меня коктейлем…

— Прошу вас, — резко сказал Вулф, — давайте не будем начинать заново. Я понимаю ваше недовольство наличием полицейских, однако в их присутствии нет моей вины. И не только в этом. Я вообще не виноват в произошедшем. Я отказываюсь от своего изначального намерения расспросить вас о мисс Амори. Вместо этого мне хотелось бы задать вам один-два вопроса о мистере Гудвине. Насколько я понимаю, он раздражает вас столь же сильно, сколь и меня. Вы сказали, что в поисках Гудвина отправились в Вашингтон, невзирая на хлопоты, достали билет на самолет, на котором он должен был лететь, и поставили его обо всем этом в известность. Я вас правильно понял?

— Да.

— И это случилось в понедельник? Позавчера?

— Да.

— Вот как, — поджал губы Вулф. — А мне он сказал, что встретил вас случайно. Я и не думал,

что он подвержен приступам скромности.

— Вам совершенно не о чем беспокоиться, — с ехидством в голосе отозвалась Лили. — Слово «скромность» ему незнакомо. Он просто не счел нужным об этом упомянуть. Чего тут хвастаться? Вот если бы за ним бегали китайские принцессы…

— Коли дело в этом, вы натолкнули меня на одну мысль, — кивнул Вулф. — Вы сказали, что мистер Гудвин не отвечал на ваши телеграммы… Так вот, позвольте спросить о причине вашей докучливости. Я говорю о ваших недавних упорных попытках связаться со мной. Правильно ли я понимаю, что ваша настойчивость объяснялась вовсе не жаждой помочь мисс Амори, а желанием выяснить, где находится мистер Гудвин? Если вы соизволите ответить…

— Отвечаю. Да, вы совершенно правы.

— Ясно. В этот понедельник вечером без конца трезвонил телефон. Значит, это были вы. А вчера, во вторник? Это опять вы звонили?

— Да. Вы также можете…

— Прошу вас, помолчите. Принимая во внимание ваш темперамент, я и так достаточно хорошо представляю, сколь сильное разочарование вы пережили. Сейчас меня посетила одна догадка…

Всего лишь догадка, но ее следует проверить. Мистер Кремер! — повысил голос Вулф. — Будьте любезны, зайдите к нам!

К тому моменту, когда мы все повернули голову, инспектор уже стоял в дверях.

— Так я и знала! — воскликнула Лили. — Черт подери, я так и знала, что в доме полиция! Но я и представить не могла, что здесь засел именно ты. Как ты считаешь, что бы подумал сейчас папа?

— Насколько мне известно, вы знакомы с мисс Роуэн, — произнес Вулф. — У меня есть работенка для сержанта Стеббинса и патрульных, которые дежурят у крыльца. — Вулф помолчал. — Нет, пожалуй, будет лучше, если сержант останется здесь. Патрульные у дверей — ребята толковые?

— Так себе, — громыхнул Кремер, — середнячок. А что…

— Ничего, для моего задания должны сгодиться. Отправьте их в «Риц». Пусть допросят служанку мисс Роуэн, лифтера, коридорных, швейцара, телефонисток — одним словом, всех. Нам нужно выяснить, по возможности с точностью до минуты, в который час во вторник вечером мисс Роуэн вышла из отеля. Особенно тщательно расспросите их о том, не видели ли они ее около шести вечера… Вы что-то хотите сказать, мисс Роуэн?

— Нет, — отозвалась Лили, недоверчиво таращась на Вулфа.

— Вот и замечательно! Разумеется, я прекрасно понимаю, что вы могли выйти из отеля в любое время. Однако нам нужно выяснить и кое-что другое. Нам надо узнать, звонил ли кто-нибудь мисс Амори на работу во вторник днем или ближе к вечеру. Мы узнаем, пытался ли кто-нибудь проникнуть в дом триста шестнадцать по Барнум-стрит, позвонив в квартиру одного из жильцов между половиной шестого и без четверти шесть. Мы выясним…

— Господи боже! — ахнула Лили. — Значит, вы все-таки догадались!

— Догадался, — тихим эхом ответил ей Вулф, сверкнув глазами. — Ну коли так, может быть, вы все-таки избавите нас от лишних хлопот? В котором часу вы вышли из «Рица» во вторник?

— Ближе к шести. Где-то без четверти шесть. Знаете, если бы я была такой же умной, как вы…

— Благодарю за комплимент. И вы направились прямо сюда?

— Да.

Заворчав, шеф повернул голову:

— Сержант? Подойдите сюда. Вот он, ваш клиент. Рой Дуглас. Можете его арестовать за

убийство Энн Амори.

Все присутствующие качнулись, уставившись на Роя. Сам Рой не сдвинулся с места. Он словно окоченел. Застыв, он разинул рот и уставился на Вулфа.

— Погоди, Стеббинс! — прорычал Кремер, подошел к Рою и, не сводя с него глаз, обратился к Вулфу: — Мистер Вулф, мы не можем предъявить человеку обвинение в убийстве без всяких на то оснований, исключительно потому, что вам так хочется. Надеюсь, вы объяснитесь?

— Любезный сэр, — раздраженно произнес Вулф, — а что вам, собственно, не понятно? Дело-то ясное. Мисс Роуэн только что сказала, что вышла из «Рица» во вторник без четверти шесть и направилась сразу сюда. Таким образом, ее вообще не было на Барнум-стрит. Она придумала историю о том, что обнаружила мисс Амори мертвой — задушенной шарфом, чтобы повидаться с Арчи. Она женщина, и потому с ее стороны это было совершенно безответственным…

— Да пошли вы к черту! — немедленно среагировала Лили. — Я соврала только для того, чтобы Арчи впустил меня в дом. Я понятия не имела, что в доме еще кто-то есть. Я хотела, чтобы он сводил меня куда-нибудь выпить, а он воспринял все это

так близко к сердцу, сделал из мухи слона…

— Это как же ее не было на Барнум-стрит? — заупрямился не желавший сдаваться инспектор. — Она подробно описала Гудвину положение тела, шарф на шее убитой…

— Я не убивал ее! — проскулил Рой и попытался встать, но Кремер ему не позволил, положив руку на плечо. — Говорят же вам, я не убивал ее! Я не…

— Я не собираюсь терпеть эти вопли, — мрачно заметил Вулф.

Рой снова попытался встать, и Кремер насильно усадил его обратно на стул. Роя начала колотить дрожь.

— Черт подери, — продолжил инспектор, — каким образом она смогла в таких подробностях описать место преступления, если она там… — Вдруг Кремер запнулся. — Разрази меня гром! — ахнул он, догадавшись.

— Ну да, — с нетерпением в голосе сказал Вулф. — В этом-то все дело. Она описала место преступления, а он услышал это описание. Для него это были отличные новости, лучше просто не придумаешь. Все, конец страху, что мисс Амори его разоблачит и всем расскажет, что это он убил миссис Лидс. С другой стороны, он был

потрясен и озадачен, поскольку не имел ни малейшего представления о том, кто именно оказал ему столь роскошную услугу.

— Не убивал, — всхлипнул Рой. — Не убивал я ее…

— Заткнись! — рявкнул на него Кремер.

— И вот, — продолжил Вулф, — он сломя голову кидается домой, и представьте его удивление, когда он обнаруживает, что мисс Амори не совсем мертва. Вернее, она совсем не мертва, а как раз наоборот — жива и в добром здравии. Разочарование было столь сильным, что он потерял разум. Ему в голову пришел план — самый дурацкий за всю историю преступного мира. Он задушил ее шарфом, а тело прислонил к креслу — все в точности так, как описала мисс Роуэн. Более того, у него самого теперь имелось железобетонное алиби. Понятия не имею, в какой именно момент он осознал, сколь идиотский поступок совершил. Впрочем, сделанного не вернешь. Кроме того, Арчи приехал так быстро, что преступник просто не успел продумать дальнейшие действия.

— Я не… — Рой весь трясся.

Он пытался стряхнуть руку Кремера, но тщетно. Кроме того, на другое плечо преступника опустилась рука Стеббинса. Другой рукой сержант

достал наручники.

— Разумеется, план преступника, вместо того чтобы стать его спасением, обрек его на провал, — поморщившись, продолжил Вулф. — Поскольку мы можем доказать, что мисс Амори ушла с работы около пяти, а мисс Роуэн покинула «Риц» без четверти шесть и спустя десять минут была уже здесь, мисс Роуэн просто физически не могла увидеть того, что она, по ее словам, увидела в квартире мисс Амори, а значит, ее рассказ является плодом ее воображения. Мисс Роуэн сама поведает обо всем этом. Ей придется дать свидетельские показания. Итак, поскольку место убийства выглядело именно так, как она описала, нам остается сделать лишь один-единственный из всех возможных выводов: оно было воссоздано тем, кто слышал его описание. Вот, собственно, и все. Методом исключения мы приходим к выводу, что убийца — Рой Дуглас.

Я раскрыл рот, но обнаружил, что у меня пропал голос. Прочистив горло, я возразил:

— Знаете, я тоже слышал описание места убийства.

Вулф насмешливо фыркнул:

— Арчи, у тебя много минусов, но тебя никак не назовешь ни душителем, ни простофилей. — Он

покачал пальцем и, кивнув на Роя, обратился к Кремеру: — Уберите эту падаль из моего дома.

Глава 13

Час спустя, примерно в половине седьмого, мы с Вулфом сидели в одиночестве в кабинете. Устроившись за своим столом, Вулф внимательно изучал атлас, раскрытый на карте Австралии. Время от времени он вскидывал голову и принюхивался. На кухне жарилась индейка. Я взялся за телефон и в третий раз подряд попытался дозвониться до полковника Райдера на Губернаторском острове. Его не было на месте, но он должен был вернуться в любую минуту.

— Знаете, я хочу сказать вам одну вещь, — обратился я к Вулфу. — Вы совершенно напрасно обозвали Энн Амори сентиментальной дурой за то, что она не обратилась в полицию сразу же, как только узнала, что это Рой убил миссис Лидс. Я, в отличие от вас, был знаком с Энн. Я сильно сомневаюсь, что она наверняка знала, что он убийца. То есть я хочу сказать, она могла и не быть свидетельницей преступления. Я думаю, она увидела нечто, заронившее в ее душу серьезное подозрение. Она рассказала об этом миссис Чак, и бабушка убедила ее, что она заблуждается.

— Дура, — буркнул Вулф.

— Нет, — настойчиво произнес я. — Она была чертовски славной девушкой! Говорю же вам: в отличие от вас, я был с ней знаком. Так вот, миссис Чак убедила ее в том, что она заблуждается насчет смерти миссис Лидс, но убедила не окончательно. Энн терзали сомнения, и ее можно было понять, ведь ей предстояло выйти за Роя замуж. Бьюсь об заклад, она выложила ему все напрямую, в глаза, это было бы весьма на нее похоже. Вполне естественно, Рой все отрицал, но окончательно убедить ее тоже не смог. И тогда он испугался, что Энн в любую минуту кому-нибудь сболтнет о случившемся. Возможно и даже весьма вероятно, он стал себя странно вести, и это только усилило ее подозрения. Понятное дело, Энн знала, что у Роя имелся очень серьезный мотив. Голубятня с этими чертовыми птицами — вот то единственное, что он на самом деле любил. Теперь представьте: миссис Лидс собирается лишить его смысла жизни, а самого его выставить вон. Однако Энн была не до конца уверена, что убийца — Рой. Согласитесь, она оказалась в сложном положении. Махнуть на все рукой она не могла, идти в полицию с доносом на Роя не хотела. И вот ей потребовался совет специалиста,

потому она и обратилась к Лили Роуэн с просьбой порекомендовать ей толкового адвоката. Она старалась действовать так, как считала наиболее верным и правильным. Она даже мне ничего не рассказала. Однако мое появление и расспросы сильно всполошили Роя. Он-то понимал, что вам Энн выложит все. И она бы выложила, если бы смогла добиться с вами встречи.

— Дура, — снова буркнул Вулф.

Я не испытывал ни малейших сомнений в том, что он наконец снова стал самим собой. Я тоже приходил в себя. Вулф меня раздражал, но теперь я был человеком военным, служивым, да еще сейчас находился при исполнении, а значит, мне следовало подавлять эмоции. Я взялся за телефон и снова набрал номер. На этот раз полковник оказался на месте. Стоило ему услышать мою фамилию, как он тут же начал что-то тараторить, но я его сразу же оборвал.

— Полковник Райдер, — сухо произнес я, — завтра утром в одиннадцать вам назначена встреча с мистером Ниро Вулфом, и потому я прошу вас о любезности прибыть к этому времени к нему в контору. Если вы соизволите приехать в половине одиннадцатого, я с удовольствием предоставлю вам исчерпывающие объяснения,

а также изложу причины, в силу которых мое имя, к величайшему сожалению, появилось на страницах газет. Также я объясню вам, почему мне нужно получить увольнительную на выходные, начиная с полудня субботы. Я дал слово, поклявшись честью офицера.

Я повесил трубку, и одновременно с этим Вулф снова вскинул голову, чтобы принюхаться к чарующим ароматам из кухни. У меня же голова была занята совсем другим. Мне надо было сделать одну запись в книге расходов, но я никак не мог сообразить, что именно там написать. «*Отправка убийцы в загородную поездку — 100 долларов*»? Нет, подобная запись вряд ли будет уместной. Конечно же, я нашел выход из положения, но какой — не скажу. Это военная тайна.